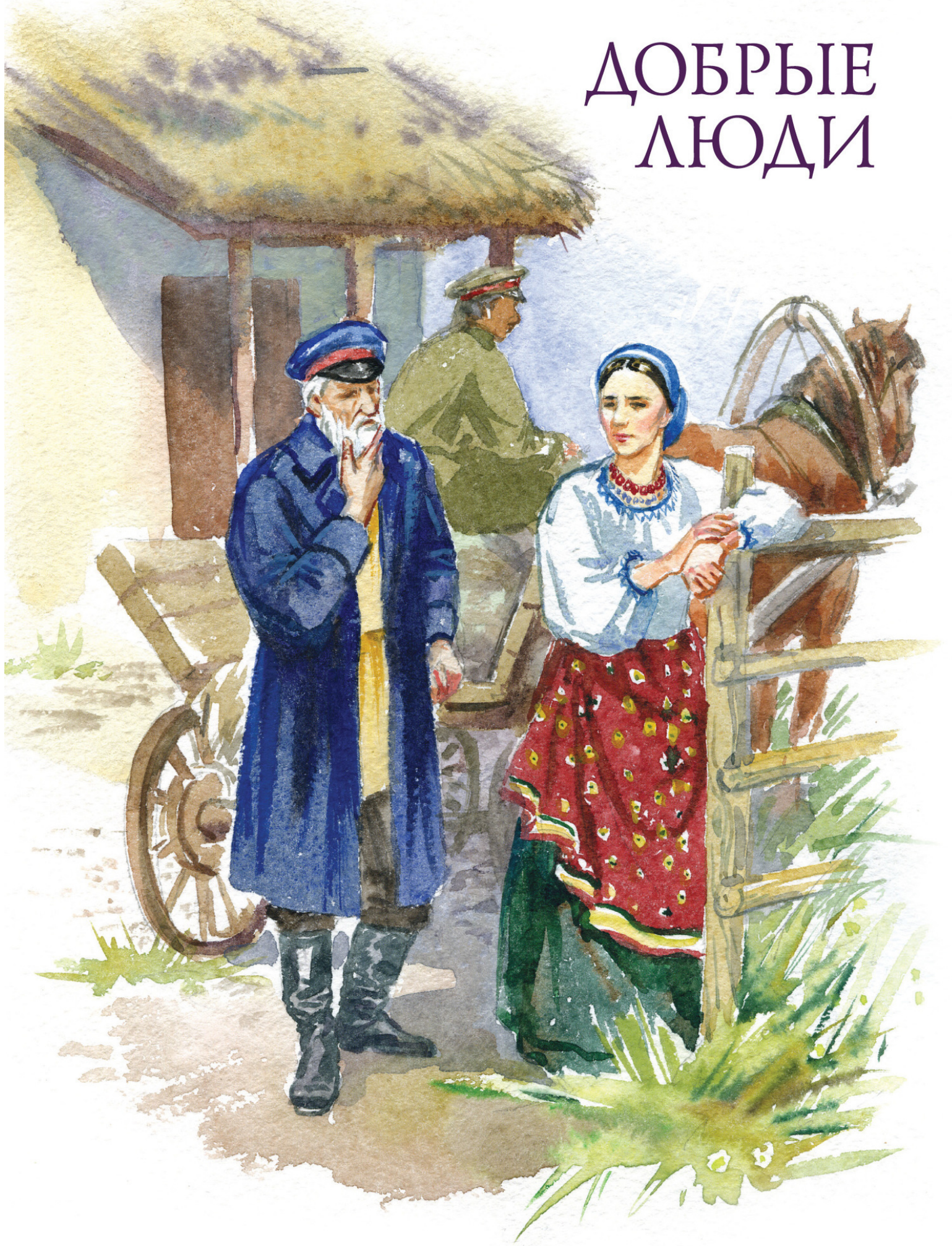

Пётр Панкратов

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Петр Панкратов

**Добрые люди. Хроника
рассказывания**

Православное издательство "Сатисъ"

2013

Панкратов П. Н.

Добрые люди. Хроника рассказывания / П. Н. Панкратов —
Православное издательство "Сатись", 2013

ISBN 978-5-7868-0094-5

В книге П. Панкратова «Добрые люди» правдиво описана жизнь донского казачества во время гражданской войны, рассказывания и коллективизации.

ISBN 978-5-7868-0094-5

© Панкратов П. Н., 2013
© Православное издательство
"Сатись", 2013

Содержание

Предисловие редакции	6
Часть первая	7
Глава первая	10
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	46
Глава девятая	48
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Петр Панкратов
Добрые люди. Хроника рассказывания

© Пётр Панкратов, текст, 2013

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2013

Предисловие редакции

Дорогие читатели, многие из Вас читали повесть М. Шолохова «Поднятая целина»; менее известны «Бруски» Г. Панферова. Обе эти книги, особенно «Поднятая целина», неоднократно переиздавались в советское время, так как отражали официальный взгляд партийных властей на историю становления Советской власти, в том числе и на коллективизацию на селе. При всех несомненных художественных достоинствах им присуща некоторая плакатность и определенная направленность. Впрочем, книги на столь болезненную тему, написанные в другой направленности, вряд ли могли увидеть в те времена свет, а, если бы они все же были напечатаны, авторы их попали бы в разряд врагов со всеми вытекающими последствиями.

Книга «Добрые люди» П. Панкратова, которую Вы сейчас держите в руках, интересна и ценна тем, что автор описывает происходящие события и процессы, находясь на стороне не коллективизаторов, а коллективизируемых, не победителей, а побежденных в братоубийственной Гражданской войне. Трагизм ситуации усугубляется тем, что казаки Прихопёрской станицы, где разворачивается действие повести, хотя и служили почти поголовно в Красной армии, в глазах властей оказываются врагами или почти врагами и подпадают под действие декрета о рассказывании. Продотряды, изымающие зерно из станиц, грабили только казачьи семьи, семьи же иногородних не трогали. В казачьих областях, и без того сильно пострадавших от войны, организовывался голод, лютовало ЧК, шли принудительная коллективизация и создание колхозов. Из свободных землевладельцев-воинов казаки превращались в государственных рабов. Само слово казак отменялось, станицы становились волостями.

Просто и бесхитростно, не смакуя ужасы, автор рассказывает о событиях Гражданской войны, ломке старой, устоявшейся за века, жизни казачества, о голоде, о «строительстве нового мира», а правильнее сказать, о выживании под игом антирусской и антинародной власти.

К великому счастью жителей станицы Прихопёрской, среди них нашёлся человек умный, решительный, деятельный, но при этом искренне верующий, совестливый и добрый – Михаил Долгов. Благодаря ему население станицы было спасено от голодной смерти. Он неоднократно выручал станичников в трудных и опасных обстоятельствах, помогал создать и сохранить в станице колхоз, причем колхоз этот, по мере возможностей, служил и на пользу самим станичникам.

Все персонажи повести реальные люди, у некоторых даже не изменены фамилии. Изменено название станицы. Всё, изложенное в книге – правда.

Часть первая

«Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем развернулась на полсвета, да и ступай считать вёрсты, пока не зарябит тебе в очи....

Не в немецких ботфортах ямицик: борода да рукавицы, и сидит, чёрт знает на чём; а привстал да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колёсах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога и вот она понеслась, понеслась, понеслась...!

Не так ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобой дорога, гремят мосты, все отстаёт и остаётся позади... и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда же несёшься ты?

Дай, ответ. Не даёт ответа... Летит мимо всё, что ни есть на земле, и, косясь, стараются и дают ей дорогу другие народы и государства»

Н. В. Гоголь «Мёртвые души»

Русь-тройка, куда ты делась, куда запропастилась? Или заблудилась среди лесов и болот и не видишь выхода, или ямщик твой дурак, злодей и неумеха, дорвавшийся до власти, загнал тебя туда.

А люди твои, Русь, выпачканные в белую и красную краски, избитые до смерти и полусмерти. Мёртвым лучше: им ничего не надо, а до полусмерти избитым всё ещё нужны еда, одежда, обувь и жилище. И побрели по домам калеки полуголые, полубосые, без копейки денег и без куска хлеба. А перед ними прошли продовольственные отряды, которые вымели из амбаров всё подчистую. И нашли вернувшиеся домой пустые подворья и умирающих от голода родичей, и пошли они, гонимые голодом, кто мог ходить, куда глаза глядят, в поисках съестного. Встречаясь, спрашивали друг у друга:

– Откуда и куда?

– Из Ивановки в Петровку.

– Не ходите в Петровку. Мы из Петровки. Нам там ничего не дали. Да и давать там некому. Дома заколочены, люди ушли.

– Надо подаваться на Украину. Там хлебный край.

– Думаешь, там не было продотрядов?

Встретившиеся постоят друг против друга, понутив головы; пока кто-нибудь не скажет:

– Надо присесть.

Сойдут с дороги, присядут, потом прилягут, потом заснут, а проснутся не все. Кто проснётся, тот потихоньку уйдёт. Прилетит птица и сядет на тех, кто не проснулся...

Глава первая

Давным-давно, ещё в семнадцатом веке, несколько десятков Донских казаков из станиц среднего Дона на лодках поднялись вверх по Хопру в поисках свободных земель. Хопёр с чистой и вкуснейшей водой, с кишмя-кишащей в нём рыбой, с поймой шириной в восемь вёрст им понравился.

Донцы пристали к левому берегу Хопра, в тридцати вёрстах от устья, где к Хопру сходил широкая долина, поросшая густой травой. Смущало казаков то, что кругом была супесь, а на супеси хороших урожаев не получишь. Утром понимающие в земле ушли искать землю под пашню. Им повезло – в шести верстах от стана нашлись чернозёмные участки. И много. Тут, на этой долине, и решили донцы основать новую станицу и назвали её Прихопёрской. Написали в Черкасскую Войсковую атаману письмо с просьбой: утвердить новую станицу, обозначить юрт, т. е. земельный участок станицы и помочь переселенцам. Войсковой атаман был заинтересован в освоении свободных земель Области Войска Донского казаками, чтобы потом не пришлось браться за шашки, защищая их, так как зарплатников на чужие земли было много. Войсковой атаман прислал трёх грамотеев, которые привезли его распоряжение всем станичным и окружным атаманам помогать переселенцам и выдавать переселенческим семьям по сорок рублей на душу. Они привезли станичную печать и насеку¹ для станичного атамана. Нарезав станичный юрт, грамотеи отбыли домой.

Станица Прихопёрская круглый год была чистой: в ней не было весенней и осенней грязи, как в станицах, стоящих на чернозёме. Не было летних резучих песков. А что ещё надо человеку? Прекрасная вода, рыбные и охотничьи угоды с водяной и сухопутной живностью, плодородные земли, лес, луг. Живи, казак, трудись, не ленись и радуйся жизни. И жили, и трудились, и не ленились, и жизни радовались. А сколько было детворы! Особым уважением пользовались семьи, в которых было десять и более детей. Детей казаки считали Божиим даром. Если же у мужа и жены детей не было, их сторонились, считали наказанными Богом. Они, бедолаги, и в местной церкви заказывали молебны, и по монастырям ездили, молились, просили у Бога детей. Многим удавалось вымолить. Кому же не удавалось, те искали, брали чужих детей на воспитание.

Шесть улиц, и каждая в два порядка, со временем отгрохали казаки Прихопёрской станицы. Между третьей и четвёртой улицами поставили церковь деревянную, красивую и вместительную. Каждая казачка умела прививать деревья. Станица утопала в садах и виноградниках.

Находясь в составе Хопёрского округа, станица Прихопёрская тяготела к Донским станицам: Вешенской, Еланской, Усть-Хопёрской, Усть-Медведевской, а поэтому в разбое Игната Некраса, когда тот пограбил корабли Петра I, идущие из-под Борисоглебска под Азов, её казаки не участвовали и репрессиям царских войск не подвергались. Когда в 1778 году Игнат Некрас уводил с Хопра сорок тысяч казаков, спасая их от царской немилости и спасаясь сам, не было у него тогда ни одного прихопёрца.

Станица жила мирной трудовой жизнью. Урожаи были приличными, скота водили много. Уткам и гусям не знали счёта. Почти в каждом дворе были закопаны бочки с вином. Богато жили казаки Прихопёрской станицы. Со времени её образования не было в ней ни мора людей, ни скотомора, ни пожара, тогда как Зотовская, например, выгорала до двора несколько раз.

Столетние старики говорили: «Долго живём хорошо, надо ждать беду».

Бедка пришла во второй половине восемнадцатого века. Однажды во время таяния снега пошёл дождь нескончаемым потоком и лил восемь дней. Вода на лугу поднялась на шесть

¹ Насека – символ власти, булава. (Прим. ред.)

саженей, против одной в обычные годы. Казалось, что Хопёр всю свою силу направил на станицу Прихопёрскую. Вода слизала четыре улицы с домами, надворными постройками, садами. Не пощадил Хопёр и церковь. Люди успели с нижних четырёх улиц угнать скот и унесли всё, что можно было унести в две верхние улицы.

Казаки, вернувшиеся с сева, увидели, что Хопёр не течёт, а через версту вообще Хопра нету. Там, где был Хопёр со своей бездонной Тимохиной ямой, вырос бугор длиной пять-шесть вёрст и шириной с версту. Казаки решили, что станица Прихопёрская вся легла в Тимохину Яму. Через несколько лет вокруг этого бугра образовалась мочага и вырос камыш в три человеческих роста, а бугор стал давать невиданные доселе урожаи сена.

* * *

Перед оставшимися двумя улицами станицы, Хопёр вымыл восьмисаженный обрыв с отвесной стеной. Жить стало неудобно. Несколько казаков сели в лодки и поплыли по своему «карману», а через шесть – семь вёрст увидели, что река вильнула вправо, выше станицы, через луга и леса промыла себе новое русло и успокоилась, когда упёрлась в меловую грудину кургана. Там Хопёр вымыл себе омут подобный Тимохиной Яме. Люди потом прозвали его Тюсиной Ямой. Казаки решили переселиться к Хопру, но строиться на горе. За зиму, когда Хопёр покрылся толстым льдом, прихопёрцы перевезли на новое место всё, что смогли. Последнее весной увозили на лодках. Зимой заготовили лес. Весной началось строительство домов. А казак Молоканцев начал строить и дом, и ветряк. Наметили место под площадь с церковью, улицы, станичное правление. Помощник станичного атамана привел из Тамбовской губернии сто пятьдесят мужиков-строителей. Работа закипела, не останавливаясь и лунными ночами. Восточный порядок верхней улицы заняли Поповы. Западный порядок – Долговы.

* * *

Поповы и Долговы были самыми многочисленными родами в станице, самыми уважаемыми. Они всегда, по первой просьбе, приходили на помощь соседям. За услугу ничего не брали. На «спасибо» отвечали «Богу святому».

Подошла Столыпинская реформа. Четыре брата Долговых: Касьян, Савелий, Павел, Никита вышли из станичной общины, уехали на дальние земли станицы, получили земельные наделы и стали жить, создав там хутор Новый. Оставшийся в станице брат Иван, объединил пять усадеб в три. Усадьбы получились просторными.

Поехал Иван в Михайловку, узнал, как и почём можно купить бревенчатый дом и флигель, прикинул стоимость перевозки, постройки и взял в банке кредит. Купил три дома, три флигеля под стряпки², двадцать кубометров обрезной сосновой доски. Поставил Иван Лукич три дома. У Ивана Лукича было три сына: Михаил, Василий, Тимофей. Все сыны женились в один 1912 год. Михаил остался жить с отцом, а Василий и Тимофей – отдельно, в своих домах.

Иван Лукич смолоду был инвалидом, в полку не служил, в войнах не участвовал. Однажды на соревнованиях по скачкам, джигитовке, рубке лозы среди двухсот, таких как он, восемнадцатилетних казачат, Иван Долгов занял первое место и получил приз: седло с нагрудником и подхвостником. На другой день было заключительное соревнование среди лучших от хуторов и от самой станицы. От станицы выступал Иван Долгов: он и тут был первым. Выдавая приз Ивану – сорок рублей, а это на две коровы – станичный атаман сказал:

– Ваня, может, порадуешь нас стариков чем-либо?

² Стряпка – летняя кухня. (Прим. ред.)

У Ивана был в запасе один номер: состоял он в следующем: надо было на полном скаку, перебраться с одной стороны лошади на другую, встать ногами в седло и встать на руки. Когда Иван встал на руки, его конь шарахнулся в сторону, Иван упал и сломал себе левую ногу выше колена. Костоправы сделали всё правильно, но к призыву в полк левая нога Ивана стала на полтора вершка короче правой. На службу Ивана не взяли.

Глава вторая

На Германскую войну в 1914 году Иван Лукич снарядил трёх сынов.

Сыны писали отцу: «Служба тяжёлая и трудная, но мы – казаки. И нет таких трудностей, которые неодолимы были бы казаками». Писали ещё, что получают Георгиевские кресты. Радовался Иван Лукич. Получал Иван Лукич газету, читал и научился читать «между строк». Он понимал, что что-то не так в его стране. Социалисты, которые всеми правдами и неправдами отводили от фронта, а то и просто дезертировали, вели подрывную работу в тылу и на фронте под лозунгом «Долой войну!», а царь Николай II проявлял мягкость к врагам Родины. В феврале 1917 года царь отрёкся от Российского престола. Всякие военные действия на фронте прекратились. Солдаты и казаки требовали прекращения войны и отправки домой. Иван Лукич чувствовал наступающую беду, но как её отвести не знал.

Однажды утром, поздней осенью 1917 года, Иван Лукич увидел, как через изгородь, к нему на двор перепрыгнул человек в военной форме и открыл ворота. В открытые ворота какие-то казаки стали заводить лошадей. Головы казаков были замотаны башлыками. Иван Лукич поспешил к воротам.

Не доходя до ворот, Иван Лукич узнал в военных своих сынов. Сердце его тревожно сдавило. Не отвечая на сыновье приветствие, он спросил:

- Вы откуда? С фронта?
- Лошадей поставим, а в доме я всё расскажу, – ответил старший.
- Ладно, становите, – разрешил Иван Лукич.

Завтракать все собрались у отца с матерью. Михаил один за всех братьев рассказал, как они самовольно покинули фронт и разошлись по домам.

- А где были офицеры? – спросил Иван Лукич.
- Мы их проводили из сотен и полков, – ответил Михаил.
- Походный атаман с вами разговаривал?
- Он подъезжал, когда мы уже погрузились в вагоны, но наши закрыли перед ним двери.

Он постоял и уехал.

Михаил не скрыл от отца что, проезжая через чужие хутора и станицы, они слышали голоса из-за заборов, плетней, каменных оград:

- Юбочники, трусы, предатели, изменники Дона!

Сели за стол. Отец разлил самогон, выпили за здоровье, закусили. Отец встал и сказал:

– Вы самовольно бросили фронт. Кто вы есть теперь такие? Вы изменники Родины. Вы достойны высшей меры наказания. Из сотен и полков вы изгнали офицеров. А кто вы без офицеров? Табун овец глупых. Любой хитрый будет теперь вами командовать. Вы не стали разговаривать с походным атаманом. Кто вы теперь? Вы изменники казачеству и Дону. Бросив фронт, вы кинулись грабить население своей страны, свои военные склады и в этом деле показали себя сволочью высшей степени. Оборонять свою отчизну не стали, а стали её грабить. Значит, подлежите смертельному наказанию. После слов мною высказанных, скажите вы мне сами, кто вы есть? – спросил Иван Лукич громко и с болью в голосе. Сыновья сидели молча, пряча глаза.

На Германскую войну в 1914 году Иван Лукич снарядил трёх сынов...

– Мы свободные люди. Мы не хотим воевать, – сказал, наконец, Тимофей.

– Цыц, щенок белогубый! – рявкнул старик. – Есть старше тебя, а тебя пока не спрашиваю! Снимайте кресты. Не позорьте имя Георгия Победоносца. Царь вас наградил, а вы его предали. Он отрёкся от вас. Мало вам показалось, что вы ещё и Временное Правительство предали? А следом и отцов своих командиров, своих атаманов? А вместе с ними Батюшку Тихий Дон и матушку Святую Русь, стало быть! Я ведь заметил, когда вы за стол усаживались, то лбов не перекрестили – Бога забыли. Значит, конечно, больше предавать вам некого. Остались жёны с детьми малыми да мы с матерью. Скоро немцы придут. А они народ лихой. Будут сильничать ваших жён, убивать ваших детей, а вы будете из-за углов и кустов смотреть, потому как нету в вас больше мужества. Нету больше казаков. Осталась одна сволочь в штанах с лампасами. Почему не полопаются мои глаза, чтобы не видеть ваши пёсы морды? Почему не помер прошлой осенью, когда застудился на порубке хвороста? То было бы лучше, чем знать сейчас, что сыны мои – плоть и кровь моя – стали предателями Родины. Кормите лошадей, отъедайтесь сами, хоть вы ещё и не захудали. Спразднуем Рождество Христово и езжайте в Новочеркасск. На коленях вымолите прощение у Каледина и будете опять немцев бить. Вчера Евгений Кочетов в церкви рассказывал, что немцы подходят к Ростову, это он у дорожных связистов наверняка узнал. Если бы не Махно Нестор Иванович, давно бы уже немецкие лошади на Доне водопоем стояли.

Ваши прадеды в 1812 году, под руководством нашего славного походного атамана Матвея Ивановича Платова, громили французов, проявляя чудеса героизма, храбрости и отваги, вводя в слёзы умиления нашего героя из героев, фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова! Так написано в книгах. А что напишут о вас? Эх, вы, грязное племя! А как же я теперь войду в Божий Храм? Что я скажу людям, когда они меня спросят: «Что, Иван Лукич? Отвоевали сыны?»

* * *

Однажды за обедом, когда старый Иван Лукич вновь говорил своим сынам о предательстве Тихого Дона и Святой Руси, высказался Михаил:

– Братья, отец во многом прав. Мы совершили ошибку, преступление. Мы бросили фронт, не потерпев ни одного поражения в боях. Мы одеты, обуты, накормлены. Исправно ли мы служили? Нас награждали Георгиевскими крестами. Я получил три. Третий крест мне вручал Пётр Николаевич Краснов, сын донского генерала, сам генерал. За что вручал? Я служил в полковой разведке. Вчера я с товарищами ходил старшим в тыл к немцам и приволок немецкого офицера, а сегодня всех разведчиков, связистов, весь тыл, ставят в строй. Значит, бой будет серьёзный. Вывел нас, две сотни, есаул Пономарёв в ложину, развернул для атаки, а команды нету. Стоим. Я как раз в первом ряду за Пономарёвым. И вдруг впереди нашего строя рвутся снаряды. Был большой недолёт, но один осколок нашёл нашего есаула. Какая-то сила мне говорит: «Михаил Долгов, действуй, а то люди погибнут, и ты погибнешь!» Выскочил я перед строем, поднял коня на дыбы и заорал, как мог громко:

– Сотни! С места галопом за мной! – и выпустил коня. Через минуту пачка мадыарских снарядов кучно упала туда, где мы только что стояли. Да, вишь ты, нас там уже не было. Я не знал, куда вести сотни, но я точно знал, что надо уходить с этого места, иначе – гибель.

Когда мы выскочили из балки на пригорок, я увидел в версте от нас батарею противника. Я разворачиваю сотни правым крылом и тихо, без шума, веду на батарею, а когда осталось до батареи сто саженей, тогда гикнули и свистнули.

Была взята батарея с обозом. Я послал полусотню сопровождать взятую в плен батарею. Немного оглядевшись, я увидел левее село, а там какая-то суматоха. Посмотрел в бинокль, вижу большой австрийский обоз, подвод пятьдесят. Посылаю полусотню через мостик – закрыть выход из села, а со второй полусотней – на броды. Австрийцы и разу по нас не стреляли.

Слышу, кто-то орёт:

– Михаил, глянь! Смотрю, а в версте на нас идут в атаку два эскадрона мадыар. Мадыары шли на нас с одними палашами. Я быстро три пулемёта на мостик и три пулемёта на броды, полусотню в балку. Речушка топкая. Кроме бродов и мостика, переходов через неё нету. Ни одному мадыару не удалось перейти речку ни по мостику, ни по броду.

Мы взяли австрийский обоз в пятьдесят четыре подводы. Обмундирование из обоза отдали пленным. Они так были рады. Примчался посыльный от командира полка, привёз приказ о назначении сотника Коршунова командиром сводного отряда. Сотник Коршунов поблагодарил меня за смелость, находчивость и обещал сегодня же написать докладную командиру полка. Через пять дней, на полковом смотре, мне генерал Краснов вручил третий крест и присвоил звание «вахмистр», назвал «рядовым генералом» и пообещал послать в школу прапорщиков.

Зачем я это вам рассказываю? Да затем, чтобы вспомнить, как мы старательно служили, берегли казачью честь и ещё для того, чтобы мы все вспомнили, что всем в мире, в том числе и нами, руководит высшая сила – Бог. Как я мог стать самозванным командиром двух сотен? Я до сих пор слышу, как кто-то говорит: «Михаил Долгов, действуй! Иначе погибнут люди, и погибнешь ты». Мы тогда не потеряли ни одного человека. А взяли: пленных около двухсот человек, батарею в девять пушек и много всякого добра.

За время войны я своею рукой не убил ни одного человека. В сабельной атаке отбивался. У особенно прыткого противника шашку выбивал, а самого тупяком шашки по спине вытягивал. Может, поэтому за всю войну ни разу ранен не был? Пули кокарды с фуражки и папахи сбивали, а голову не тронули.

Снаряд взорвался под моим конём, коня разорвал на шматки, на мне же – ни царапины. Взрывной волной подняло нас с конём сажени на три, я упал и – головой об землю. Три дня погудело в голове, а всё ж вот он я, живой, перед вами.

Однажды, после боя, когда наша сотня потеряла двоих убитыми и двоих ранеными, командир нашего взвода хорунжий Латышев, вольноопределяющийся, говорил:

– Надо кончать войну. Генералы и атаманы будут воевать до последнего солдата, до последнего казака, а у нас семьи, дети. Поля зарастают. Хлеб не сеём, впереди голод. Надо идти домой.

Я спросил тогда у него:

– Мы бросим фронт, а немцы пойдут занимать наши города и сёла?

Латышев ответил:

– Надо договориться с немцами. Бросать фронт будем одновременно.

После такой беседы у меня желание бросить фронт не выходило из ума. Служить стал небрежно. От выполнения заданий отлынивал. Помощником командира взвода был у нас Попов Серафим Гордеевич. Он доказывал обратное, говорил так, как говорит наш отец. Но мне не хотелось его слушать. У меня одна мысль была: «Долой войну! Домой!» Будто злой дух вселился. Хорунжий Латышев был в бою убит пулей в затылок. Убили свои же, кому его речи не по душе были. Дали нам другого хорунжего, тоже оказался вольноопределяющийся. Этот уже открыто агитировал за оставление фронта.

Глава третья

Атаман станицы Прихопёрской Краснов Филипп Филиппович – дальний родственник казачьему дворянину станицы Прихопёрской Краснову Митрофану Петровичу, заслужившему дворянское звание в 1812 году, в войне против Наполеона, несколько раз собирал сходы казаков. Приходили одни старики, ничего не решив, – уходили. Казаки-дезертиры на сходы не шли. Стыдно было глядеть в глаза добрым людям. Давно они поняли, что обмишурились, не на ту стёжку встали. Но найти выход не могли. Помог случай. За три дня до Рождества Христова к дому станичного атамана подошли сани. Из тёплых саней вышел офицер и быстрым шагом пошёл в дом. В дверях столкнулся с хозяином, отрекомендовался:

– Сотник Аржанов Пётр Георгиевич. По поручению окружного атамана.

– Располагайтесь, Пётр Георгиевич, я выйду, помогу лошадей убраться.

Вернувшись со двора, угощая гостей ужином, Филипп Филиппович рассказал о настроении стариков и казаков-дезертиров. Они решили:

Утром ударить в набатный колокол тридцать раз.

Сделать четыре красных флажка на длинных древках. Назначить четырёх казаков-призывников, вручить им флажки. Они на своих конях обскочат станицу и два смежных хутора, крича у каждого двора «Сполох» и размахивая флажками.

В семь утра загудел набатный колокол Прихопёрской церкви. В девять утра площадь была забита народом. Филипп Филиппович с наскоком в руке вошёл в гущу казаков-фронтовиков. Те расступились и образовали круг. Атаман снял папаху, поклонился на четыре стороны и сказал громко:

– Господа старики, господа казаки, разрешите начать работу круга.

– В добрый час, – послышалось со всех сторон.

Сначала станичный атаман предоставил слово сотнику Аржанову. На площади воцарилась тишина. Сотник Аржанов! Грамотный ты человек, учили тебя, но ты ничему не научился. Зачем ты стал квелить, дразнить казаков? Из твоего выступления казаки поняли, что можно идти, а можно не ходить защищать Тихий Дон и матушку Россию.

Филипп Филиппович, умный ты человек! Четвёртый срок атаманишь в станице, а в сложившейся обстановке не разобрался и повторил слово в слово выступление сотника, да ещё допустил грубейшую ошибку: открыл прения.

Так и сказал:

– Кто желает высказаться?

Из толпы казаков вышел человек не в казачьем обмундировании. Одет он был в зимнее пальто на купеческий лад, каракулевую шапку, чёрные бурки. Не спрашивая разрешения у атамана, чужак подошёл к столу и заговорил:

– Товарищи казаки! Видимо всю оставшуюся жизнь вам придется жить с ярлыком изменников на шее. Скоро среди вас начнётся чистка. Кто бросил фронт в 1917 году будет лишён казачьего звания, земельного надела, выслан в Сибирь на вечное поселение без права выезда в Европейскую часть России. Не видеть вам больше ни Дона, ни Хопра. Но есть очень славный выход. В Петрограде создано Советское Правительство во главе с Лениным. Это правительство считает вас героями, которые оставили фронт генералам, положили конец войне, конец убийству людей. Посылая нас сюда, Ленин так и сказал: «Передайте привет героям-казакам, и ещё передайте, что Советское Правительство будет призывать казаков на военную службу без коня и всей sprawy. Будем выдавать деньги новобранцам на их приобретение». Но генералы хотят вернуть себе власть, свергнуть Советское Правительство и расправиться с вами. Герои казаки! Поддержите новое правительство! Этим вы и себя спасёте от гибели!

После этих слов чужак ушёл от стола, стал в западной части площади и крикнул:

– Товарищи казаки, кто хочет защищать Советское Правительство, прошу подойти ко мне!

Первым из казаков вышел Сенчуков, атаманец саженого роста и почти такой же в плечах, по прозвищу Степура.

– Пошли, ребята! – громко крикнул Степура и встал рядом с большевистским агитатором. К нему пристроились не менее двадцати казаков.

Повалил снег. Он падал сперва крупными и редкими кусками, с кулак и более. Люди ловили эти куски, рассматривали, откусывали, жевали. Потом хлопья стали меньше, но гуще, а потом снег повалил сплошной стеной. Всё смешалось, люди бродили как в молоке.

– Круг не закрываю, а переносу на завтра, – громко крикнул атаман.

Утром набатный колокол ударил двадцать раз. Казаков на площади было значительно больше, чем вчера. К столу подошёл прапорщик в зимнем, хорошо подогнанном обмундировании, роста выше среднего, среднего телосложения. Он заговорил:

– Господин атаман! Господа старики! Дозвольте мне молвить слово.

– В добрый час, – отозвался круг.

– Я – прапорщик четырнадцатого Донского казачьего полка, Калинин Павел Петрович. Будучи рядовым и урядником я заслужил полный бант Георгиевских крестов. Никогда не хоронился за спины казаков, грудью своей защищал их. И сейчас хочу предостеречь, удержать вас, братья, от смертельной опасности, от страшной ошибки, которую вы можете совершить.

Агитатор за Советскую Власть уже собрал возле себя около ста человек наших братьев. Дай ему волю, и он перетянет на свою сторону нас всех. Большевики знают, что сказка – ложь, но ложь интересная. Сказки слушать любят и дети, и взрослые. Вот и рассказывает новое правительство интересную ложь, привлекая людей в свои сети. Я вызываю большевистского агитатора на диспут. Выходи к столу!

– Говори, прапор! Он тебе и отсюда ответит! – слышались крики.

– Нет уж. Пусть выйдет на свет Божий.

Большевистский агитатор вышел к столу. Павел Петрович спросил его:

– Господин агитатор, вы сказали, что Советское правительство законное. Тогда уж объясните заодно, кем и когда оно избрано?

– Съездом рабочих депутатов, – ответил агитатор.

– А делегатов съезда, когда и кто выбирал? – тут же поинтересовался Калинин.

– Этого не знаю, – сознался чужак.

– Да нет, знаете. Правды говорить не хотите. Никакие депутаты никакого съезда не избирали. Собрались вечером у Ленина по несколько человек от каждой союзной партии – большевиков, меньшевиков, анархистов, эсеров, – распределили между собой министерские портфели, а утром в большевистских газетах был напечатан материал о съезде советов. Была напечатана ложь. Правительство Ленина – узурпаторское правительство. И не подчиняться ему надо и защищать его, а гнать из Смольного так, как русские люди под руководством Минина и Пожарского выгнали поляков из Москвы в тысяча шестьсот двенадцатом. Второй вопрос, господин агитатор: в 1917 году, в феврале – марте у нас совершилась буржуазно-демократическая революция. Россия перешла от феодализма к капитализму. Перешла плавно, без гражданской войны, без гибели людей, без горя и слёз. Большевики признают эту революцию?

– Конечно, мы её признаём, – раздражённо вскричал агитатор, – но...

– Тогда на каком основании было свергнуто Временное Правительство, рождённое революцией? – перебил его казак.

– Так захотел народ, – хмуро ответил агитатор.

– Какой народ? – почти ласково спросил Калинин.

– Какой есть на земле, – видно было, как господин в зимнем пальто изо всех сил старается не сплеховать.

– Во всех плохих делах вы, революционеры, прикрываетесь словом народ, – сказал прапорщик, глядя на агитатора в упор.

– Это для его же блага, – отозвался тот.

В толпе послышался ропот.

– Это нечеловеческая логика, – сказал Калинин, – вот здесь стоит народ. Никто его ни о чём не спрашивал. Вы дознались, что при выборах в Учредительное собрание, которое должно создать Постоянное Правительство России, большевики получили мало голосов. В формировании нового правительства вы бы не участвовали. Значит, рассудили вы, придётся свергнуть Временное правительство и сделать это легче всего по договорённости с его главой – Керенским. Он получил от Ленина два баула денег, бросил своих министров и уехал во Францию. Керенский знал о намерениях Ленина, но оборону Зимнего не организовал. Этот подлый бандинский налёт на Зимний дворец, свержение и арест Временного Правительства вы называете революцией? Это не революция, это государственный военный переворот. По международным законам, организаторы военных переворотов караются смертью. Все ли люди нашей страны согласны с большевиками? Мы ведь на пороге гражданской войны, той войны, к которой большевики призывают народ с 1915 года. Господин агитатор, «превратим войну империалистическую в войну гражданскую» – ваш лозунг?

– Да, этот лозунг наш, – ответил агитатор.

– А известно ли вам, что страшнее гражданской войны ничего нет? Брат убивает брата, сын убивает отца, гибнут лучшие представители нации, разрушается государственное хозяйство. В гражданской войне нет перемирия, нет мира. Заканчивается эта война полным поражением одной стороны, полной победой другой. Гражданская война отбрасывает страну на несколько десятилетий назад. Революции нужны, и они будут как наша февральско-мартовская, спокойная, без гражданской войны, которую проповедают двуногие звери, людоеды. Следующий вопрос такой: вы признаёте учение Маркса?

– Мы марксисты. Учение Маркса мы признаём полностью, до последней буквы, – бойко подтвердил агитатор.

– Сейчас я объясню, почему это очередное враньё. Вы не живёте по учению Маркса, вы его опровергли. Маркс учит вас, непонятливых: «социалистическая революция победит тогда, когда в стране будет построен империализм, то есть последняя стадия капитализма, и в том случае, если социалистическая революция начнётся во всех странах или большинстве стран мира одновременно. Вы же захватили власть в одной полуфеодальной стране с помощью предателя премьер-министра и назвали это революцией. За восемь месяцев после буржуазно-демократической революции вы построили в России империализм и пошли к социализму? Это несусветная глупость и ложь, обман простого народа. Следующий вопрос: расскажите нам, кто такой Ленин?

– Это Ульянов Владимир Ильич, русский человек. Родился в Симбирске, по образованию – юрист. Долго жил за границей, изучал там науки. Теперь прибыл в Россию, создал Советское Правительство и просит казаков поддержать его, – сказал агитатор.

– Ульянов по отцу – получаваши-полукалмак, по матери – полужидыш-полунемец. Закончил гимназию. Поступил в Казанский университет, но был исключён за грубое оскорбление директора Университета. Потом закончил экстерном Петроградский Университет. Поработал немного помощником адвоката, бросил. Занялся политикой. Сперва, с Мартовым, создали «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а в самом начале двадцатого века создали РСДРП – Российскую социал-демократическую рабочую партию. На втором съезде РСДРП была разделена на две партии: большевистскую и меньшевистскую. Ленин настаивал на насильственном захвате власти демократами России, а Мартов говорил, что демократы в России должны прийти к власти мирным путём, т. е. при помощи выборов, а Ленина называл злодейским гением.

– Этого я не знаю, – сказал агитатор.

– Знаете, но вам неудобно говорить. Кто Ленин по социальному положению?

– Интеллигент. Отец – учитель.

– Снова вы слепых на брёвна наводите. Ленин – дворянин. Его отец – Илья Николаевич – великий патриот. Он так хорошо работал учителем, а потом директором народных училищ, что был награжден четырьмя орденами и получил «дворянство» с земельным наделом. Его жена и дети становились потомственными дворянами. Мать Ленина – Мария Александровна Бланк, по отцу – еврейка. Её отец – Сашка Бланк – еврей-выкрест: он в зрелом возрасте перекрестился из еврейства в православие и быстро разбогател среди русских. Дочери своей Марии систематического образования не дал, а на дворянский манер нанимал учителей на дом. Дочь была своевольной, училась плохо. К замужеству она фактически ничему не научилась, ненавидела всё русское. Старший сын её Александр, брат Ленина, был повешен за участие в подготовке покушения на убийство царя. Александр хотел убить царя, а брат Владимир замахнулся на всю Россию. А кто возле Ленина? Кто его министры? Они, стыдясь своих фамилий, придумали себе клички. Троцкий – Лейба Бронштейн. Янкель Мовшевич Свердлов – Яков Михайлович Свердлов. Зиновьев – Апфельбаум. Каменев – Розенфельд. Ярославский – Губельман. Надо ли помогать такому правительству? Или гнать его из России, пока она не погибла. Вот кто разложил нашу армию, которая бросила фронт. И последний вопрос агитатору ленинскому: когда и как Ленин вернулся в Россию?

– Это известно всем. Ленин приехал в Россию, через Швецию и Финляндию, в Петроград 4 апреля 1917 года. Его встречали огромные толпы Петроградских рабочих. Он взойшёл на броневик и призвал рабочих к социалистической революции. На сегодняшний день она совершена. У Ленина слово с делом не расходится, – отвечал агитатор.

– Сам Ленин приехал или привезли его? – спросил Калинин.

– Он сам географию знает, сам и приехал, – буркнул агитатор.

– А я вот слышал, что жил Ленин в Швейцарии, долечивался от дурной болезни, подхваченной в Парижских борделях. Как его, русско-подданного, пропустили через Германию? Кто и почему? А пропустил потому, что Ленин, по предложению Парвуса³, был завербован как немецкий шпион в России. Обязанность его состояла в том, чтобы вывести Россию из войны с Германией, а с Францией и Англией Германия справится в два счёта. Так и получилось: Россия выведена из войны, потому что мы бросили фронт, а вот Англия с Францией стоят крепко, не то, что мы. Позор нам и позор России. Ленин ехал в запломбированном вагоне. Половину вагона занимали его друзья, такие же шпионы немецкие, поголовно евреи, а полвагона занимали коробки с деньгами, которые дало Ленину немецкое правительство.

Приехал Ульянов в трёх ипостасях: вождь мирового пролетариата, руководитель большевистской части РСДРП, немецкий шпион. Вождём мирового пролетариата его назвал тот самый Донецкий, который привёз Ленина из Швейцарии в Петроград. Он залез на броневик и сказал:

– Господа петроградцы, я привёз вам вождя мирового пролетариата!

Как немецкий шпион он вывел Россию из войны. Как руководитель РСДРП он сверг законное Временное правительство и объявил себя верховным правителем России. Как вождь мирового пролетариата Ленин стал засылать своих агентов в Германию, Венгрию для организации беспорядков и свержения законной власти.

Господа старики, господа казаки, история повторяется. В 1610–1613 годах Москву захватили обманым путём поляки. Теперь вот, через триста лет, нашей страной завладели евреи. Тогда русский народ под руководством нижегородцев Минина и Пожарского освободил Рос-

³ Парвус Александр Львович – Израиль Лазаревич Гельфанд, политический авантюрист. (Прим. ред.)

сию от поляков. Я уверен, что и сейчас найдутся достойные сыны России, возглавят нас и мы вместе выгоним этот сброд за пределы нашей Родины.

Тогда, то есть триста лет назад, часть народа поддалась обману и присягнула Лжедмитрию. Я хочу, чтобы в этот раз ни один наш брат-казак не обманулся и не пошёл защищать правительство злодейского гения – Ленина. Со мной сейчас тридцать человек, но дома ещё есть наши сторонники. Послезавтра мы придём, отслужим молебен и уйдём в Новочеркасскую, станем на защиту Дона. Кто хочет с нами, тот послезавтра будь к девяти часам на площади в полной боевой готовности. До свидания.

Странно закончили сход. Не принято никакого решения. Только атаман крикнул:

– Господа казаки! Присоединяйтесь к прапорщику Калинину Павлу Петровичу.

К прапорщику подошли: хорунжий Костя Попов, вахмистры Матвей Панькин и Михаил Долгов, и старший урядник Евгений Кочетов. Они познакомились. Попов поинтересовался:

– Павел Петрович, где и как Вы смогли добыть столько знаний?

– Половину 1917 и половину 1916 годов я учился в школе прапорщиков в Гатчине. После окончания учёбы меня назначили командиром взвода в запасный полк, который стоял тоже в Гатчине. И там, и там было много свободного времени. Шли выборы в Учредительное собрание. Я хотел сам разобраться в существовании политических партий. За кого отдать свой голос? Я ходил на заседания фракций почти ежедневно. Там выступали представители различных партий. Они хвалили свои партии и очень корили другие, своих соперников. Для меня это было очень удобно. Узнав сегодня что-то об одной партии, я иду завтра на её фракцию и задаю вопрос: «Вчера такая-то партия о вашей партии говорила то-то и то-то. Как вы это объясните?» Тогда я получал всеобъемлющие сведения и делал выводы. Бывало спать не ложился, не прочитав газеты. Однажды на фракции большевиков выступал старый еврей и рассказывал, что партия посылает на фронт своих агитаторов для разъяснения бессмыслицы войны. Вести разъяснения под лозунгом «Долой войну!» Я спросил, могу ли я выехать на фронт по их путёвке. Еврей ответил: «Приходите завтра». Дал адрес. Я пришёл. Со мной беседовали попеременно два еврея часа по два. На второй день я подал рапорт о посылке меня на фронт командиру полка. Через два дня документы были готовы. Получив у большевиков 12 000 рублей, я выехал в действующую армию. В вагоне нас таких ехало шесть агитаторов. Агитатор ничем не рисковал, если его арестовывали, то ничего с ним сделать не могли – смертной казни на фронте уже не было. Первым из агитаторов, что ехали в вагоне, сработал я. Я организовал «побег» двух казаков из сотни. На самом деле они уехали по документам.

Мы, шесть офицеров нашего полка, создали тайное общество по уничтожению большевистских агитаторов. Мы выявили и уничтожили двенадцать человек. Конечно, это была капля в море. Обратились за помощью к командиру полка, он только плечами пожал да руками развёл, мол, Керенский отменил смертную казнь. Теперь я вижу, что у них с Лениным был сговор. Вы, Константин Дмитриевич, можете договариваться о молебне на послезавтра.

– Обязательно договорюсь, – пообещал Костя.

– Тогда, как говорят, по коням, вольт налево и с Богом марш-марш, – прапорщик пожал всем руки и, не касаясь стремени, взлетел в седло.

Степура, слушая прапорщика Калинина, не заметил, как от него ушли все его сторонники, кроме Ивана «Красенького» – Ивана Павловича Горшкова, Платонова Платона Платоновича и Гришки Лисичкина – сына казака, лишённого казачьего звания, земельного надела и высланного в Сибирь без права возвращения в Область Войска Донского за конокрадство. После схода они впятером с агитатором собрались у Степуры дома.

За обедом агитатор говорил:

– Прапорщик Калинин для нас страшнее трёх полков казачьей кавалерии. Его надо немедленно уничтожить. Надо пробраться в хутор, куда он поехал, выследить и пристрелить. Сможет Горшков это сделать?

– Горшков этого не сделает. Я там никого не знаю. Приткнуться некуда. Я убью Калинина, меня поймут и на распыл. А мы, казаки, обучены воевать по принципу: «Побеждай, но оставайся живым». Вы с удовольствием отдали бы за одного прапорщика Калинина нас всех. Если поедете со мной, то я поеду с вами. Стрелять буду из вашей винтовки. Если поймут нас, то я скажу, что стрелял агитатор, а меня он взял с собой под наганом, чтобы путь-дорогу ему показывал. Вас будут щекотать, а меня отпустят. Вы согласны?

Глава четвертая

Триста казаков привёл прапорщик Калинин со степных хуторов к церкви. В церковной ограде уже стояли сто восемьдесят казаков, желающих присоединиться к его отряду.

Обедню служили во дворе. После молебна прапорщик вывел свой отряд и скомандовал:

– По коням!

Отряд построился в походную колонну. Прапорщик подъехал к атаману:

– Филипп Филиппович, станьте на ступенях Правления. Я сделаю кружок и попрощаюсь.

Отряд во главе с прапорщиком пошёл вокруг площади. Когда прапорщик поравнялся с атаманом, он повернул голову направо и, приложив руку к папахе, отдал честь. Так стали делать все казаки. То же сделал атаман. Когда середина отряда поравнялась с церковью, прапорщик подал команду:

– Отряд, стой! Направо! Снять головные уборы!

Прапорщик выехал на середину отряда, повернул коня головой к церкви и громко стал читать «Отче наш...» Прочитал молитву трижды, а потом обратился к казакам:

– Казаки! Возложите на себя трижды крестное знамение, – и продолжил, – Господи, услышь, помилуй нас и защити. Мы клянёмся защищать Батюшку-Тихий Дон и Матушку нашу Святую Русь, не жалея живота своего. Он выхватил клинок, поднял его вверх и громко крикнул: «Клянёмся, клянёмся, клянёмся!» Казаки сделали тоже самое. Прапорщик повёл свой отряд к Хопру и подал команду: «Запевай!» И чистый тенор затянул: «Звенит звонок, а тройка мчится». И тут же в небо взлетел дискант-жаворонок. С песней отряд перешёл мост, с песнями втянулся в лес, близко подходящий к Хопру с левой стороны. На лугу прапорщик остановил отряд и приказал:

– Разберитесь по отделениям и взводам. В каждом отделении должно быть одиннадцать человек: десять рядовых и командир отделения. В каждом взводе должно быть шесть отделений, в каждой сотне – четыре взвода. Ответственные за формирование – Попов Константин и Панькин Матвей. Времени даю – час.

Через час Попов доложил:

– Павел Петрович, формирование закончено. Сформировано семь взводов.

– Спасибо, Константин Дмитриевич, – одобрил Калинин.

– Рад стараться, – ответил Костя.

– Отряд, в колонну по четыре, взводными колоннами, дистанция – один корпус – становись! – подал команду Калинин.

Через малое время последовала команда «направо!»

– Господа казаки, кого рекомендуете в командиры отряда? – спросил Калинин.

Из строя выехал на два корпуса казак и громко сказал:

– Я, Попов Константин Дмитриевич, от всего отряда выдвигаю кандидатуру на пост командира отряда Калинина Павла Петровича.

– Все слышали?

– Все, – отозвался строй.

– Голосуйте клинками, – сказал Калинин.

Казаки выхватили шашки и, кружа ими над головами, кричали:

– Павел Петрович! Павел Петрович! – так продолжалось минуты три, потом все клинки были убраны в ножны.

В первом Пешенском хуторе разъехались по дворам: лошадей подкормить и самим поесть.

Ни в одном дворе не отказали в сене и овсе, ни одному казаку не разрешили развязать свои харчи:

– Слава Богу, пока есть что покушать и есть чем угостить людей, – отвечали хозяева.

Не обошлось и без чарки. Угощали старики и женщины. Хуторские казаки чистили старые и рубили новые проруби: надо будет напоить много лошадей.

Когда прапорщик Калинин выстроил свой отряд для похода, к нему подскочил всадник в зимнем обмундировании, при пашке:

– Павел Петрович, примите в свою часть, нас тридцать человек.

– Пристраивайтесь, степь широкая, места всем хватит.

Отряд тронулся взводными колоннами. В небо взлетела песня: «Ой, да взвеселитесь вы, храбрые донцы-казаки, честью и славою своей...» Эту песню знал каждый здесь присутствующий с детства. Женщины засморкались в концы платков, старики, положив бороды на костыли, прикрыв глаза, вспоминали свои походы, свои войны. Казаки служилого возраста также, прищурив глаза, осматривали всё кругом происходящее, но в отличии от стариков, они думали о другом.

Думалось им, почему я здесь, а не там, не в строю?

Из хутора Жукова Калинин послал разведку в сторону Михайловки. Вернувшись, разведка доложила, что Михайловка забита вооруженными казаками. Командует ими казак Усть-Медведевской станицы, подполковник царской службы, бывший войсковой старшина Миронов Филипп Кузьмич, герой двух последних войн. Посоветовавшись с Поповым, Калинин решил в Михайловке не останавливаться.

Не успели выехать из Жукова, как отряд догнала полусотня казаков и пристроилась в хвост колонны. От группы отделился всадник на красивейшем дончаке-резваче и «прожёл» в голову колонны.

– Павел Петрович, мы с Пешенских хуторов, нас сорок восемь казаков. Примите в свой отряд. Я – вахмистр Лапшин.

– Принимаю. Сговоритесь с Поповым Константином Дмитриевичем, у него есть свободные люди. Создайте взвод и будете им командовать.

– Сделаю, Павел Петрович.

– Передайте Попову, чтобы он подскочил ко мне.

– Есть, – отозвался вахмистр Лапшин.

Покачиваясь в седле, прапорщик Калинин всё больше убеждался в том, что рано он ушёл из станицы. Можно было набрать казаков гораздо больше. Когда подъехал Попов и пристроился к Калинин, Калинин задал ему вопрос:

– Константин Дмитриевич, мы не рано ушли из станицы? И не вернутся ли нам назад?

– Если Вы располагаете денежными суммами в количестве ста тысяч, то рано. Надо вернуться и походить по Хопёрскому округу. Создать кавалеристский корпус и сходу напасть на немецкие части, стоящие под Ростовом. Зажать в клещи, да в такие, чтобы они, отвыкшие сопротивляться, бросали ружья и бежали к железным дорогам, а мы дадим нашим железным дорогам указание: вывести из строя все паровозы. Наши люди выполняют нашу просьбу, так как им надоело жить в пустоте, в безвластии. Немцы, бросая всё награбленное у нас, будут бежать домой ножками, да так, что пятки будут в задние места влипать. А мы будем подгонять, чтобы они бежали и днём, и ночью. Чтобы сонные бежали. А мы будем подгонять, подгонять, подгонять. Убивать не будем, в плен брать не будем, а будем гнать домой пеших, голодных и холодных. Тогда они внукам и правнукам своим закажут ходить в Россию.

Но если у нас нет денег на прокорм и пятисот человек, то ушли мы правильно и возвращаться нам не надо, а надо спешить в Зимники. Вот моё мнение, – сказал Попов.

– Спасибо, Константин Дмитриевич.

– Рад стараться.

– Константин Дмитриевич, не останавливая движения отряда, сформируйте две сотни по четыре взвода. Первой сотней я поручаю командовать Вам, а второй – вахмистру Лапшину.

Отряд Калинина в Михайловке втянулся в улицу, ведущую на юг. Вдруг из правого переулка выкатилась пустая арба и остановилась, загородив дорогу, прямо перед Калининым.

– Что за чепуха? Кому хочется повоевать? – выхватив клинок, крикнул Калинин. Казаки отряда взялись за шашки.

– Командира отряда прошу спешиться. Поговорить надо, – сказал казак, стоящий на арбе.

– Говорите, мы вас и в сёдлах услышим, – ответил Калинин.

– Куда путь держите? – спросил казак с арбы.

– Это военная тайна, а казаки военных тайн не разглашают.

– Мишка, Блинов! Ты чего взялся нас допрашивать? – закричал Егор Селезнёв, казак из отряда Калинина.

– Батюшки, Егор, Селезнёв? Ты откуда? – спросил Мишка Блинов.

– Я из дома. А ты, вижу, служишь? Под чьим знаменем службу ломаешь?

– Под знаменем героя двух войн, подполковника Миронова Филиппа Кузьмича, – ответил Блинов.

– Видеть не приходилось, а слышать – много слышал. Миронов – славный казак. А какого цвета ваше знамя?

– Красного.

– Так-так, – сказал Егор Селезнёв.

– В разговор вмешался Калинин.

– Повидались, друзья? Хватит. Принимай арбу, Блинов, – потребовал он.

Ночевал отряд Калинина во втором хуторе, южнее Михайловки. Хозяин рассказывал Павлу Петровичу: наши казаки, что за советскую власть, остались дома и записались у Миронова. А у него ни денег, ни одежды, ни обуви, ни харчей. Михайловские связисты говорили, что Миронов дал телеграмму Ленину, просит у него денег и даёт согласие воевать за советскую власть. Казаки, которые не записались у Миронова, ушли в Новочеркасск.

– Много ушло казаков? – спросил Калинин.

– Человек сто пятьдесят, – ответил хозяин.

Миронов Филипп Кузьмич⁴, получив деньги от Ленина, решился на отчаянный шаг: он решил провести мобилизацию казаков Хопёрского округа по старым обычаям, то есть с конём и со всей справой. Этот закон знал каждый донской казак с детских лет. В приказе Миронов напомнил, что немцы, которых мы сами притащили на хвостах своих лошадей, топчут и грабят нашу землю, защитить которую, кроме нас, некому. Он приказал всем казакам Хопёрского округа явиться в Урюпинскую с конём и со всем снаряжением. Собрал Миронов чуть ли не сотысячную армию.

Старики и казаки-фронтовики Прихопёрской станицы перед призывом помирились. Они сожалели, что казаки-фронтовики не ушли с прапорщиком Калининым. Миронов обманул и стариков, и казаков: он призвал казаков защищать Тихий Дон от немцев, а сам увёл их воевать за Ленина и большевиков. Несколько казаков станицы Прихопёрской ушли к Подтёлкову, в станицу Казанскую, и там пропали: или были расстреляны, или погибли при взятии Новочеркасска. Несколько казаков ушли в дубраву, не желая участвовать в братоубийственной войне, которая, по их соображению, должна была вот-вот начаться.

Калинин, прощаясь с хозяином ночлега, спросил:

– Лично видел Миронова? Какой он?

⁴ Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921) – казак, Войсковой старшина, командир 2-й Конной армии. Убит в Бутырской тюрьме. (Прим. ред.)

– Как вас вот и сто раз. Миронов – среднего роста, среднего телосложения, усы чёрные большие, приветливый, герой из героев. Две войны сломал, вся грудь в орденах, ума не набрался. Как, скажи, в него сатана вселился. Ему бы Дон да нашу казачью свободу защищать, а он к жидам в услужение пошёл.

Глава пятая

Василий и Тимофей Долговы, как и большинство казаков Прихопёрской станицы, да и всего Хопёрского округа, по мобилизации попали к Миронову. Миронов создал конный казачий корпус, выступил против добровольческой армии Корнилова и разбил её, но, по указанию Ленина, Троцкий корпус Миронова расформировал. Миронов был переведён заместителем командующего несуществующей армией.

Казаки Прихопёрской станицы оказались у Буденного. К Буденному попал в октябре, после сдачи, и старший Долгов – Михаил. На фильтрации Михаил показал, что он рядовой и служил у белых в дивизионной разведке. У красных Михаила определили в полковую разведку.

Служа у Буденного, Михаил повстречал там знакомых станичников: Степуру Сенчукова, Фёдора Прошина, Ивана Горшакова – все командиры эскадронов. Встретил своих братьев Фёдора и Тимофея, и других станичников.

Первая Конная, пополнившаяся сдавшимися белыми казаками, была послана Лениным на Польшу. Конница шла быстро, обозы с боеприпасом и продовольствием отставали на три – четыре дневных перехода. Поляки перехватывали обозы, провиант в армии Будённого заканчивался.

Наступление красных выдохлось.

Первая Конная была окружена поляками и прекратила движение. Будённый решил вырваться из окружения. Пошли разведки во все стороны – искать проходы-выходы. Начальник полковой разведки поручил Михаилу добыть польского языка, желательно офицера, срок – три дня. Михаил заметил, что последние два дня мимо фольварка, в котором стояла его часть, поляки стали передвигаться без опаски. Ночью Михаил определил, где сделать засаду и брать языка. Следующей ночью Михаил данных ему пятнадцать человек расположил так, как счёл нужным. В десять часов вечера проехали двое всадников. Михаил подал команду: «не берём». Через некоторое время показали огни автомобиля: «Берём!» Когда машина поравнялась с засадой, перед ней упало дерево. Машина остановилась. К ней кинулись десять человек. Пятеро стали на внешнюю охрану. В считанные секунды, находящиеся в машине поляки были обысканы, обезоружены, связаны по рукам и ногам. В машине оказались: полковник и подполковник польской армии, и рядовой шофёр. Михаил успокаивал:

– Господа офицеры, не беспокойтесь, ни один волос не упадёт с ваших голов, нам не нужны ваши смерти. Я лично сочувствую чаяниям польского народа. Во мне часть польской крови. Мой дед привёз с действительной службы в Варшаве красавицу-девушку Яну. Мы вас скоро отпустим.

Начальник полковой разведки, получая трофеи, привезённые Михаилом, говорил:

– Два года служу в разведке и ни разу не удавалось поймать полковника. А тут ещё и подполковник впридачу.

– Я дал слово, что с ними будет хорошее обращение, – сказал Михаил.

– Хорошо. Выполню твоё обещание, – пообещал начальник разведки.

– Разрешите мне обратиться к командиру полка, – попросил Михаил.

– По какому вопросу? – спросил начальник разведки.

– По личному, – слукавил Михаил.

– Обращайся.

Зайдя к командиру полка, Михаил обратился:

– Товарищ комполка, я разведчик Долгов, выполняя ваш приказ, доставил сейчас в разведку полковника, подполковника и рядового польской армии.

– Не может быть! Спасибо за службу.

– Товарищ комполка, можно внести предложение?

– Говори, Долгов.

– Я предлагаю написать письмо командованию польской армии о том, что полковник и подполковник в наших руках, и мы требуем за них выкуп: двести мешков муки, пятьсот мешков картошки, сто мешков соли и сто мешков крупы.

– Думаешь, дадут?

– Дадут больше, если приписать, что мы не смотрели и смотреть не будем бумаги при полковнике. Они нам не нужны.

– Да ты не только разведчик, ты – дипломат и стратег. Какое имеешь образование? – спросил комполка.

– Сельскую приходскую школу и военное ремесленное училище по шорному делу, – ответил Михаил.

– Однако, ты грамотнее, чем дают те учебные заведения, – заметил комполка.

– Жизненный опыт, да ещё люблю читать книги. В письме можно приписать двадцать мешков сахара. И ещё: полковник и подполковник должны написать от себя письма с просьбой дать такие продукты. Письмо послать с рядовым шофёром. Мы дадим ему коня, он привезёт нам ответ. Ещё в письме приписать, что если поляки выдумают отравить продукты, то мы тогда отравим все колодцы, все водоёмы в округе. Польша превратится в пустыню. Если поляки поступят как благородные шляхтичи, то мы польских солдат и офицеров, попавших в плен, будем отпускать домой без права вторично воевать с армией Будённого.

– Это что-то новое в военной практике, – сказал комполка.

– Ещё. Как стемнеет, так вывести штаб полка и всё ценное вглубь нашей территории. Может быть артналёт. Немедленно приступить к подготовке транспортных средств и лошадей для вывоза продуктов, – добавил Михаил.

– Сам напишешь письмо и дашь мне на подпись. Прочитав и подписав письмо Михаила, комполка сказал:

– Товарищ Долгов, идите ко мне в заместители. С вами будет очень интересно работать.

– Воля ваша, но в разведке я принесу больше пользы. А коли какие добрые мысли возникнут у меня в голове, я приду и скажу Вам, – ответил Долгов.

– Ладно... Определите место и порядок обмена и доложите.

Обмен польских офицеров на продукты питания прошёл точно по плану Михаила. Сбылось его предположение о том, что поляки дадут за офицеров больше, чем с них запрашивали. В обозе с продуктами оказались незаказанные четыре мешка сигарет с мундштуками. Сигареты Михаил унёс к разведчикам.

Будённый решил прорываться на восток. По его приказу прорыв делала четвёртая кавалерийская дивизия. На восток вели две дороги. Первая дорога с юга была ограничена глубокой и крутобережной балкой, а с севера – непроходимыми болотами. Эту дорогу поляки охраняли девятипушечной батареей и десятью пулемётами. Вторая дорога лежала среди болот, а охрана была такой же.

Набирались охотники. В охотники пошёл первый эскадрон первого полка. Там, в четвёртом взводе, служили братья Михаила: Василий и Тимофей. Командовал эскадроном станичник Иван Павлович Горшков по прозвищу Красенький. Надо было подвезти три – четыре батареи, разнести в клочья польскую заставу, потом польские разбитые пушки сбросить с дороги и дорога свободна. После этого батареи поставить на охрану заставы и дело с концом. Однако все вышло не так.

Командир полка решил заработать третий орден Красного Знамени и, используя фактор неожиданности, пустил первый эскадрон в атаку без артподготовки, увидев в бинокль, что польские солдаты, позавтракав, разлеглись у пушек и пулемётов. Но он не подумал, что у поляков пристреляны все подходы к заставе. Поляки открыли огонь. Михаил находился в первом

эскадроне, он никак не думал, что комполка допустит такую глупость, но тот допустил. Красненький, выхватил шашку и крикнул:

– В атаку, за мной! Марш!

Бойцы замялись, они ждали артподготовки, но её не было. Пригнувшись головами к гривам лошадей, пошли в атаку с опозданием. От разрыва польского снаряда Красненький вместе с конём пошёл через голову, Михаил, находящийся рядом, громко закричал:

– Первый эскадрон, выйти из боя, принять левее, в балку, за мной!

Михаил сошёл с коня, дождался, когда к нему подскакали несколько человек, пошёл с конём в балку. Берега балки были крутыми, кони сползали на хвостах. Спустившись на дно балки, он подал команду:

– По коням!

Проскакав немного в сторону польской заставы, Михаил остановил всадников и объяснил:

– Сейчас будем подниматься наверх. Я – первый. Я буду бросать гранаты. После третьего взрыва гранаты вы выскакиваете из балки и кричите, свистите, орите: «Забрали, сдавайтесь!» Людей берём в плен, без нужды не убивать, пушки ставим на край дороги слева. Меняем лошадей на польских. Набираем прислугу к пушкам и пулемётам, и обороняем заставу.

Михаил первым полез из балки. Сняв папаху, он поднял голову и посмотрел на заставу. Кинул один за другой три гранаты. После третьего взрыва казаки с лошадьми высыпали из балки на заставу. Поляки были ошеломлены и почти не сопротивлялись. Пленных свели в одно место, разоружили, поставили охрану. Михаил нацепил клочок белой тряпки на шашку и стал им размахивать. Из леса выскочили всадники и налётом пошли к ним. Передний, это был Федор Прошин, поравнявшись с Михаилом, закричал:

– Миша, спасибо!

– Федя, дай артиллеристов, а то некому стрелять из пушек!

Прошин, выйдя из окружения, прислал девять артиллеристов. Один из посланных Прошиным подошёл к Михаилу:

– Вы, товарищ Долгов?

– Так точно, – ответил Михаил.

– Я – Селиванов Фёдор. Могу командовать батареей.

– Прекрасно. Пристреляйте орудие, вон, видите – куст слева и курган справа? Скоро поляки припожалуют по наши души. Им эта позиция очень важна. Пушки поставят на дороге, а лошадей за курганом. Не успел Михаил договорить, как показались поляки: батарея и эскадрон кавалерии.

– Товарищ Селиванов, посмотри, – сказал Михаил.

Селиванов посмотрел:

– Идут, Михаил Иванович!

Селиванов побледнел.

– Трусишь? – спросил Михаил.

– Нет, волнуюсь.

– Быстрее пристреливай пушки, – приказал Михаил.

Первые снаряды пристрелки легли точно в цель. Михаил похвалил:

– Молодец, Селиванов!

– Стараюсь, как могу, – улыбнулся в ответ Селиванов.

Будённый и командир полка пытались проехать на заставу, узнать, кто ей командует, но не смогли – так густо во всю дорогу шла из окружения четвёртая дивизия. К Будённому подскочил посыльный со второй дороги. Командир полка, в рядах выходящих из окружения, добрался до заставы, выбрался из колонны и спросил:

– Кто командует заставой?

– Я, разведчик Долгов, – доложил Михаил.

– Кто Вам приказал? – спросил комполка.

– Никто. Я, товарищ комполка, из казаков, а у нас если в бою командир упал, то его может заменить любой рядовой, если он знает, что надо делать в данный момент. У меня два брата в четвёртом взводе. Хотел спасти от гибели, захватить заставу, обеспечить выход из окружения дивизии, используя факт неожиданности. Второе и третье я сделал, а вот первое – не выполнил. К нам прибились четверо из четвёртого взвода, и один уверяет, что видел моих братьев убитыми, а у них по две девочки дома. Теперь полусиротами стали.

Проскакав немного в сторону польской заставы, Михаил остановил всадников...

– Я благодарю Вас, разведчик Долгов, за службу!

– Рад стараться, товарищ комполка, – ответил Михаил.

– Я назначаю Вас командиром заставы и приказываю обеспечить бесперебойный выход нашей армии из окружения.

– Будет сделано, товарищ комполка.

Поляки приближались.

– Товарищ комполка, смотрите, вон поляки идут по наши души, – показал Михаил.

Командир полка, посмотрел в бинокль:

– Ваше решение, товарищ Долгов? – спросил он.

– Сейчас, одну минуту, товарищ комполка. Гаврюша, сюда смотри. Видишь?

– Вижу.

– Ныряй в балку, за поворотом затаись, а как услышишь наш залп, через три минуты выскакивай, делай много шума, забирай батарею и обоз, а поляков отпусти домой. Подраненным полякам дай ихние подводы из обоза. Без толку людей не убивай. Кто не будет складывать оружие, тупяком шашки по спине или по ноге, или по руке. Лучше по левой руке, правая ему после войны нужна будет. Кормить себя, жену, детей и стариков: два отца и две старухи-матери,

они на него сейчас надеются. Предупреди казаков, в плен не брать, нам самим есть нечего, отпущай их домой. Гавриил с шестидесятью бойцами юркнул в балку. Поляки стали сниматься с передков там, где рассчитывал Михаил.

– Селиванов, пошли по ним три снаряда из каждой пушки, – приказал Михаил в присутствии комполка.

Снаряды легли точно. Из балки с шумом и криком выскочил Гавриил с бойцами. Польская батарея была взята. Гавриил командовал:

– Господа поляки, сдавайте оружие в одну кучу. Пистолет командир батареи оставляет у себя.

– А Вы почём знаете? – спросил польский офицер.

– А что я знаю, господин офицер? – отозвался Гавриил.

Оказывается, пистолет у польского офицера был именным, наградным.

– Берите раненных. Подвод сколько нужно, а мёртвых заберёте завтра. Да передайте своему командованию: не посылать больше никого, у нас каждый метр дороги пристрелян. Везде сидят секреты с пулемётами, – врал Гаврила.

Гавриил привёл к заставе семь захваченных пушек, две были разбиты, обоз из девятнадцати повозок, две походных кухни с готовой уже пищей и тридцать две лошади. Командир полка спросил:

– Это всё?

– Всё товарищ, комполка! Противник разбит на дальних подступах и взяты трофеи.

– Разведчик Долгов, Вы какое звание имели в царской армии?

– Рядовой, – ответил Михаил.

– Интересно, – вроде как сам себе сказал комполка.

– Товарищ комполка, ночью застава будет караулить?

– Будет. Госпиталь, артиллерия, обозы пойдут, да и пехота ещё не прошла полностью.

Так что спать не придется.

– Если у Вас есть возможность, товарищ комполка, то пришлите два взвода кавалерии для охраны заставы. На всякий случай. У нас есть корм лошадям и продукты для людей.

– Это я сделаю. Сниму охрану с госпиталя.

Не успело стемнеть, как Михаил послал Гавриила с двадцатью казаками на разведку. Надо было посмотреть, не идут ли поляки, поставить растяжки через дорогу – протянуть проволоку. За обочинами крепко-накрепко закрепить концы проволоки. На проволоку навязать на коротком поводке гранаты с расшпиленными скобами. Зацепится кто-нибудь за проволоку и гранаты взорвутся. Поход поляков на нас будет сорван до утра. Растяжки надо сделать на дороге, где она близко подходит к балке. Тогда поляки подумают, что их закидали гранатами из балки и начнут свои гранаты бросать в балку, ну а мы посмеёмся.

– На каком расстоянии от заставы надо ставить растяжки?

– Надо согласовать с Селивановым, чтобы он доставал туда из пушек.

Первым ужинать польскими харчами стал Михаил.

– Садись, Гавриил Иванович, поляки готовят вкусно.

Пожинав и дав все распоряжения, Михаил прилег отдохнуть. Проснулся от рёва пушек.

– В чем дело, Селиванов? – спросил Михаил.

– Как стали рваться гранаты, так мы туда послали две пачки снарядов, – пояснил тот.

– Ты, Михаил Иванович, не приказывал, а мы сами сделали. Мы поставили четыре растяжки у куста, на всякий случай.

– Армия выходит? – спросил Михаил.

– Не приостанавливалось движение ни на минуту, – ответил Гавриил.

Утром к Долгову явился посыльный от похоронной команды:

«Михаил Иванович Долгов приглашается принять участие в похоронах боевых товарищей».

Ёкнуло сердце Михаила в страшном предчувствии. Всхлипывая, он говорил шёпотом сам себе: «Думал останутся, будут ранены. Нет. Погибли. Девочки – полусироты. Господи, помилуй их, грешных. Помоги девочкам людьми вырасти. Оставь меня в живых. Не дай в трату. Я помогу сиротам».

Среди лежащих у могилы трупов, готовых к погребению, Михаил Иванович нашёл своих братьев. Они лежали рядом. Михаил встал на колени в головах и зашептал. Он просил прощения у братьев за то, что он как старший брат не защитил их от смерти.

– Надо было тогда ещё раз крикнуть, может, они тогда не услышали моей команды.

Трижды прочитав «Отче наш...», Михаил обратился к Богу:

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий! Помилуй недостойных и окаянных раб твоих Василия и Тимофея, убиенных солдат, воюющих за неправое дело. Прости им этот великий грех. Прими души их с покаянием и даруй им царство свое.

Михаил трижды прочитал «Богородицу». Он попросил Богородицу помолиться сыну своему Иисусу Христу, чтобы он по её светлым молитвам помиловал бы раб своих Василия и Тимофея. Простил бы им все их вольные и невольные прегрешения и беззакония земные. И особенно тяжкий грех служения гонителям Бога и спас бы души их от гибели. Михаил стоял на коленях перед братьями до тех пор, пока похоронщики не стали укладывать трупы в братскую могилу. Поцеловал Михаил братьев и встал. Духовой оркестр играл: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» И правда, пали эти люди, трупами которых забита огромная яма, жертвой злодея, который разделил людей и стравил их друг с другом. Жертвой безответственности и бездарности командиров: от командира эскадрона Ивана Красенького до командира полка, командира дивизии и самого Будённого. Почему никто не ответит за гибель этих людей? И не ответит никогда. Михаил стоял у могилы, пока оркестр не перестал играть, могильщики выровняли могилу, солдаты дали салют и все ушли. Пошёл и Михаил к своему коню.

– Товарищ Долгов, подойдите, – окликнул неизвестно откуда взявшийся командир полка.

Михаил подошёл, стал «смирно», но ничего не сказал.

– Я хочу назначить Вас заместителем командира полка, то есть взять к себе заместителем.

– Я сегодня перенёс трагедию. Я похоронил двух младших братьев. У меня на земле не осталось никого родных, а от них осталось по две девочки, теперь сиротки. Ни о каком назначении я сегодня думать не могу. Извините меня, товарищ комполка, – Михаил крутнулся на каблуках и зашагал к коню.

– Это Вы извините, товарищ Долгов. Я поступил как последний... – последнее слово комполка сказал шёпотом.

Михаил не услышал этого, да и не хотел он слышать вообще ничего.

На следующее утро комполка известил Михаила, что он, Долгов Михаил Иванович, назначен командиром первого эскадрона первого полка дивизии. Приказ подписал командир дивизии.

Михаил, уводя с заставы своё хозяйство, расположил его неподалеку: трава немая и воды вволю. Часа через три он решил перебраться восточнее станционного посёлка, так как поляки могут напасть ночью, а его эскадрон будет крайним. К вечеру Михаил получил ещё одно указание: «Подготовить эскадрон к полковому смотру». Смотр принимал сам Будённый. Он вызвал к себе Долгова, спросил о его делах во время выхода четвёртой и пятой дивизий из окружения и наградил именной шашкой.

* * *

Через два дня Михаил получил письмо из волостного совета станицы Прихопёрской. Писал двоюродный брат жены Кати, Иван Никитович Попов, буденовец, лишившийся левой руки. Письмо было пухлое, в большом конверте. Михаил рвал конверт, руки его дрожали и почти не подчинялись ему. Он ждал большой беды. Так и было. Иван Никитович писал, что обе его снохи померли. Остались четыре сиротки. Они на попечении Кати, но Катя болеет сама: у неё экзема на руках и на ногах. У Кати жила девушка в работницах, но она ушла замуж. В письме были справки: о болезни Кати, о смерти снох, о наличии и возрасте детей. Михаил Иванович, прочитав письмо, отправился к командиру полка получить справки о смерти братьев. В штабе полка Михаила не задержали. Не задержали его и в штабе дивизии. Командир дивизии сказал:

– Снова нету командира в первом эскадроне. Мы с Семёном Михайловичем видели Вас командиром полка. Значит не судьба. Я думаю, Семён Михайлович Вас демобилизует. До свидания, всего хорошего.

Будённый, просмотрев документы Михаила, сказал:

– Я, Вас, Михаил Иванович, демобилизую. Пойдите во двор, погуляйте. Через два часа придёте, получите документы и железнодорожный билет. И сегодня же уедете домой.

Михаил пошёл на почту, дал телеграмму жене: «Буду в Михайловке первого октября по новому стилю. Если можешь, то подошли подводу, если нет, то я, совершенно здоровый человек, дойду пеший».

Кроме документов, Михаил получил от Буденного именные часы и распоряжение на новое обмундирование.

Прощаясь, Будённый говорил:

– Прими, Михаил Иванович, мои соболезнования и мои извинения. Я в большей степени повинен в гибели твоих братьев Василия и Тимофея. Хорошие были конармейцы. И прими мой подарок девочкам-сироткам. Будённый достал из стола конверт, взял что-то из сейфа, положил в конверт:

– Тут немного денег. Михаил Иванович, будешь жить на своём Хопре, подпирай Советскую Власть своим плечом и своей головой. Если будут трудности пиши, телеграфируй. Чем могу, тем помогу. Счастливого тебе пути, Михаил Иванович. Не забудь получить новое обмундирование. Ну, будь здоров.

Глава шестая

После смерти снох Долговых – Наташи и Полины – на Екатерину Ивановну свалилось великое горе и великая забота. Шесть девочек, считая родных, две пары лошадей, две пары волов, четыре коровы, двенадцать голов молодняка, пятнадцать овец, которые дали по два ягненка, четыре гнезда уток, два гнезда гусей, две свињи супоросых, две свињи с поросятами, по десять поросят под каждой, шесть боровов и кур штук пятьдесят. Всё хозяйство принадлежит девочкам-сироткам. Екатерина Ивановна со своими двумя девочками имеет: пять кур, петуха, пять овец и десять ягнят. У неё нет ни коров, ни лошадей, ни волов, однако все хозяйство легло на её плечи. Именно на плечи и на голову, а не на руки, так как руки и ноги её покрыты экземой. Она ничего не может делать, даже умыться себя.

Екатерина Ивановна – баба хозяйственная и расторопная. Она быстро, с помощью двоюродного брата Ивана Никитовича, нашла себе помощников. Присматривать за девочками взяла девушку Лизу с хутора Филинского, готовить еду, печь хлеб пригласила Марию Фоминичну Ярмилову, ухаживать за лошадьми и свињями – Ивана Семёновича Устинова, за крупным скотом и овцами – Ивана Павловича Белова, его редко кто звал по фамилии, чаще по масти. Когда он шёл без головного убора, то казалось что идёт он в белом, хорошо подсинённом пла-точке. Поэтому его звали: «Иван Белый», «Иван Сивый», «Иван Синий», но он не обижался. Люди с охотой шли помогать Екатерине Ивановне. Она платила всегда больше, чем обещала, и сверх всего давала детишкам кусок сахара и одежонку-обувчонку.

Двоюродный брат Кати, Иван Никитович Попов, однорукий будёновец, секретарь волостного совета, почти каждый день заходил к Кате, узнавал, какая нужна помощь.

В этот раз он, не успев закрыть калитку, громко сообщил:

«Катя, радостная весть! Михаил Иванович демобилизовался и идёт домой. Первого октября по новому стилю он будет в Михайловке. Просит прислать подводу, если есть такая возможность, а нет, так он легко придёт пешком. Он полностью здоровый человек». Потом Иван Никитович прочитал телеграмму по бумаге. Катя повернулась на восток:

– Господи Иисусе Христе, сыне Божий! Слава Тебе, слава! Услышал молитвы мои, – она сотворила крестное знамение забинтованной рукой.

– Пойдёмте, казаки, в стряпку, я вас угошу с радости великой.

Мария Фоминична, по указанию Кати, поставила на стол бутылку и закуску: соль, баранину и хлеб. Выпили, закусывая, разговорились:

– Встречать поеду я, – сказал Иван Семёнович.

– Ещё две телеграммы из Балашова. Идут из госпиталя наши казаки-будёновцы, а как и на чём жёны их будут встречать?

– Иван Семёнович, надо готовить большую арбу. Ты заберёшь из Михайловки всех, кто к нам, а я с Марией Фоминичной сготовлю харчей на всех на три дня. Иначе как Христина Тимофеевна встретит своего мужа Ивана, когда ей и поехать не на чем, и одеть-обуть нечего. Когда очнулась от тифа, встала сама грязная-мазная, вонючая и четыре трупа рядом: двое детей и мать с отцом. Перины и одеяла попрели, вшей в них – несметная сила. Сундуки разбиты и ограблены. Амбары разбиты. Припасов никаких. Только картошка-моркошка да свёкла на огородах остались. Капусту и тыквы поел бродячий скот. А скот поели красные солдаты. Солдат этих прозвали «саранчой», потому что их было очень много, они не помещались во дворах и всё уничтожали на своём пути. «Саранча» стояла в станице Прихопёрской чуть больше месяца, принесла тиф и разграбила, что могла.

Иван Семёнович обошёл получивших телеграммы и сказал им, что он один поедет и встретит всех, а Екатерина Ивановна даст харчей на всех на три дня. Когда харчи были сложены, Мария Фоминична обратилась к Екатерине Ивановне:

– Да вознаградит тебя, Катя, Господь за твои дела, – и перекрестилась на угол с иконами. На другой день, утром, ещё до восхода солнца Иван Семёнович выехал со двора.

На следующий день Иван Никитович привёл во двор к Кате девушку, чуть больше среднего роста, черноволосую, с белым красивым лицом, бедно одетую. На ней был чёрный шерстяной платок, на плечах висел ватный мужской пиджак большой по размеру, заплатанный в нескольких местах. Юбка была суконной, заплатанной и заштопанной. На ногах – старые стоптанные мужские чирюхи. Иван Никитович дорогой наставлял девушку:

– Будешь работать усердно, будешь подчиняться, – накормят, напоят, оденут, обуют и с собой дадут. Вот помни моё слово. Это семья за гражданскую войну потеряла двенадцать человек, а хозяйство соблюла почти полностью. До тебя у них работала девушка. Проработала полгода и вышла замуж, а получила за год, и сверх того Екатерина Ивановна дала невесте, как дочке, выходящей замуж всего да всего: и перину, и подушки, и одеяла всякие. Даже узел собрала для новорождённого.

– Спасибо, Иван Никитович за науку, – сказала девушка.

Иван Никитович открыл калитку Долговых и увидел во дворе Катю, идущую из стряпки в дом.

– Сестричка, здравствуй. Вот помощницу тебе привёл. Девушка грамотная из хорошей семьи.

– Здравствуй, братец. И ты, девушка, здравствуй. Как тебя зовут?

– Дарья Ивановна Плотникова.

– Иван Ананьевич Плотников твой отец?

– Да, мой.

– Дорогие женщины, я вам больше не нужен, я пойду, дел много, – говорил, прощаясь, Иван Никитович.

– Спасибо, братец. Пойди стопочку испей.

– Спасибо. В другой раз. До свидания.

– Даша, как будем строить наши взаимоотношения? – спросила Катя.

– Как Вы скажете, так и будет, – ответила Даша.

– Я буду к тебе относиться как мать, – сказала Катя.

– А я буду относиться к Вам как послушная дочь.

– Я дам тебе одежду: рабочую, выходную, праздничную по две пары. За год работы дам стельную тёлку. Если будешь работать очень хорошо, дам ещё овцу.

– Я согласна, – ответила Даша.

– Говорим друг другу только правду. Есть хочешь?

– Очень хочу. Два дня как не ела, – ответила Даша.

– Спасибо за откровенность, пойдём в стряпку.

В стряпке Катя обратилась к Марии Фоминичне:

– Мария Фоминична, накорми нас, да покрепче. Наливай в отдельные чашки. Дарье Ивановне побольше.

Даша ела. Убежав из работников от прежних хозяев, она ничего не взяла. Она боялась, что её догонят. Найдут у неё хлеб, обвинят в воровстве и будут бить. И действительно, её догнали. Хозяин крикнул сыну:

– Лови, сынок, валяй, мы с ней побалуемся! У неё отобрали палку, бросили её на землю. Даша изо всех сил ударила хозяина ногой ниже живота. Тот взревел, согнулся и упал на колени. Даша вскочила, схватила свою палку и с размахухватила его по голове. Он охнул и упал лицом в дорожную пыль. Хозяйского сына Даша огрела палкой по голени, тот взвыл и запрыгал на одной ноге. Даша стукнула его по другой ноге. Он взвыл сильнее и упал сбочь дороги в траву. Даша развернула их лошадь по направлению к дому, ослабила вожжи и пугнула. Лошадь пошла домой, хозяева остались лежать. Даша подошла к сыну:

– Вот я тебе сейчас локти поперешибаю, чтобы ты соплей утереть не мог. Вы полгода надо мной издевались и сейчас хотели надругаться, но Господь оказался на моей стороне. Ползите домой, герои!

Позавтракав, женщины вышли во двор и сели на скамейку у стряпки. Из дома вышли дети: шесть русоволосых девочек, одна черноволосая и смуглая лицом и один совсем беловолосый мальчик.

– Екатерина Ивановна. Я хочу перед завтраком походить с детворой по саду, – сказала женщина, вышедшая из дома вместе с детьми.

– Спасибо тебе, Ольга Петровна, поступай как знаешь, – сказала Катя.

– Екатерина Ивановна, кто эта женщина, – спросила Даша.

– Ольга Петровна Попова. Кости Попова жена.

– Как же я не узнала? Я пела на её выпускном вечере в гимназии, – сказала Даша.

– Ты училась в гимназии? – удивилась Катя.

– Не только училась, но и закончила. Оставалось сдать один экзамен и аттестат был бы в кармане, но в Урюпинскую пришла какая-то воинская часть. Начали хватать девчат. Мы с двумя Зотовскими девушками купили лодку и ночью уплыли по Хопру. У Зотовской подруги сошли, а я одна поплыла до Орловской косы. Сошла, лодку вытянула и домой.

Ольга Петровна – женщина необыкновенной божественной красоты. Поворот головы, движение руки не наше, не земное.

– Красивая, но несчастная. Она очень любит своего Костю, но он не прислал ей ни одного письма. Вот придёт Миша, Михаил Иванович, может он что-то расскажет, они вместе уходили служить в белые, а победили красные. С ними уходили Матвей Панькин и Евгений Кочетов. Где они? Один Бог знает, – прошептала Катя.

– Евгений Кочетов – мой жених, – сказала Даша, она закрыла лицо ладонями и заплакала. Она плакала беззвучно. Между пальцами текли слёзы. Даша плакала, оплакивая Женю. Всё время она молилась о нём, а сегодня – заплакала. Даша редко плакала: она плакала, когда умерла мать от повторного тифа, оставив на отца-инвалида семерых детей, двое из которых умерли после её смерти. Плакала Даша, когда её сундук со справою разграбила «саранча». Даша плакала тогда, когда к ней приставал хозяин, она первый раз была в работницах, оплакивая свою незащищённость и свою нищету. Но о Жене она не плакала, просто не могла представить Женю мёртвым. Такой умный, сильный, находчивый, он должен уйти от смерти. Он обязательно придёт к ней, думала Даша. Она народит ему много детей. Дети народят внуков, а внуки – правнуков. Они их будут нянчить, выполняя извечную обязанность человека. И будут они вместе до глубокой старости, которая хочешь или не хочешь, а обязательно придёт тогда, когда выдадут замуж последнюю правнучку. Они будут ходить в церковь; в хорошую погоду – на Хопёр или в луг, или в лес, по тем дорожкам, по которым они ходили ещё детьми за грибами и ягодами. Или на кладбище, к предкам, поддерживая друг друга, присматривая местечки и для своих могил, обязательно рядом. Даша плакала долго. Екатерина Ивановна обняла её и привлекла к себе:

– Успокойся, Дашенька. Он ещё объявится. Вот, Михаил Иванович же объявился.

Проплакавшись, Даша сказала:

– Давайте, Екатерина Ивановна, займёмся делом.

– Давай, Дашенька. Пойдём, я покажу, как надо подготовить баню.

Посмотрев баню, Даша сказала:

– Вода будет греться, а я пока помою полы в доме.

– А я подберу тебе одежду и обувь. Будем купаться и искупаем детей.

Подбирать одежду для Даши Катя пригласила Марию Фоминичну. Они пошли в дом Тимофея, открыли Полинин сундук и взяли там всё, что было нужно. Пришли дети, их умыли

и стали кормить. Кормили детей все, в том числе и Даша. Коле, сыночку Марии Фоминичны, Даша говорила:

– Ешь, Коля, дюжей. Вырастешь с Ильё Муромца.

– А кто он такой, этот Илья? – спросил Коля.

– Это был богатырь, он один выходил драться на тысячу и побеждал. Как-нибудь перед сном я расскажу вам об Илье Муромце.

После завтрака Ольга Петровна отвела детей в дом и каждому дала задание:

Младшие и Коля – рисовать, а старшие – шить себе трусики.

– Ольга Петровна, не хотите ли Вы ходить к нам каждый день? – спросила Катя.

– Нет. Мне надо работать, у меня заказы.

– У нас два свободных дома и три свободных швейных машинки, – сказала Катя.

– Я подумаю, – помедлив, ответила Ольга.

– Дочке твоей веселее будет, да и тебе тоже. Да и нам.

– Я подумаю, – повторила Ольга.

– Ольга Петровна, Вы меня не помните? Я пела на вашем выпускном вечере, – спросила Даша.

– Нет, Даша, не помню, – ответила Ольга Петровна.

Даша запела:

Ночь тиха, над рекой тихо светит луна
И блестит серебром голубая волна.

Тихий лес... Там, в тиши
Изумрудных ветвей,
Звонких песен своих
Не поёт соловей.

Под луной расцвели голубые цветы.
Они в сердце моём пробудили мечты.
К тебе грёзой лечу, твоё имя шепчу:
Милый друг, нежный друг,
По тебе я грущу.

Ночь светла, над рекой тихо светит луна
И блестит серебром голубая волна.
Тихо светит луна на чужой стороне.
Милый друг, нежный друг,
Помни ты обо мне.

Последний куплет Даша пела громко, во весь голос. В голосе её были слышны скорбь и плач.

– Даша, почему ты так печально поёшь? – спросила Ольга Петровна.

За Дашу ответила Катя:

– Даша плачет по жениху своему. Это друг твоему Косте, Евгений Кочетов, – сказала Катя.

– Такой высокий, чернявый, кудрявый?

– Да, – подтвердила Даша, всхлипывая.

– Перестань, Даша, оставь запас слёз на другой раз. У нас с тобой одна судьба. Нам ещё не раз придётся поплакать, и вместе, и порознь. Какая звериная сущность у людей, которые

затеяли эту братоубийственную бойню. Сколько смертей! Сколько крови! Сколько горя и слёз принесли они народу. Нет больше той России, что неслась «вдохновенная Богом» впереди всех государств. Крестьяне и казаки России кормили не только себя, но и всю Европу, а теперь сами умираем с голода. Если бы не Екатерина Ивановна, то где мы были бы с Соней? В «Могилёвской губернии»⁵ – с негодованием говорила Ольга Петровна.

Екатерина Ивановна залюбовалась Ольгой. Она ни разу не видела её такой, не слышала от неё таких слов. Она спросила:

– Оля, что же нам делать?

– Молиться усердно Богу о вразумлении злодеев наших, чтобы они прекратили свои злодеяния.

Прежней России, больше не будет. И повинны в этом мы сами, то есть народ России. Те казаки, которые сейчас убивают друг друга, осенью тысяча девятьсот семнадцатого года совершили величайший грех: отдали Родину-мать на растерзание врагу. Изменили своей Родине, России и Батюшке Тихому Дону. Просто сказать, не захотели умирать за Святую Русь. Ах, вон как? Вы не хотите умирать за Родину? Так умирайте просто так, ни за что. Убивайте друг друга, отец сына, сын отца. Вот это и есть гражданская война. Но Господь не попустит творцам гражданской войны, он их обязательно накажет. И накажет примерно.

– Даша, в доме, в кухне, в посудном шкафу, на второй полке лежит связка ключей, принеси её сюда.

Когда Даша пришла с ключами, Катя повела Ольгу в амбар и в подвал. Набрали ведро муки, полведра пшена, кусок свиного сала фунта на два.

– Екатерина Ивановна, зачем так много, я не донесу, – сказала Ольга.

– Я помогу. Можно, Екатерина Ивановна? – сказала Даша.

– Можно, добрая твоя душа, – разрешила Катя.

Даша ухватила вёдра – и к воротам. Катя остановила её:

– Даша, давай привыкать с первых дней. Пойди переоденься.

Переодевшись, Даша вышла из дома совсем другой. Голова её была повязана белым, хорошо подсинённым платочком. Одета она была в тёмно-зелёную шерстяную кофту с рукавами чуть ниже локтя и откладным воротником и юбку такого же цвета ниже колен. На ногах были чёрные туфли на невысоком каблуке.

– Да ты красавица, – оглядев Дашу, сказала Катя.

– Убери пенёк, и пенёк красивым покажется, – улыбаясь, ответила Даша.

– Ну, идите с Богом.

Пришли к Ольге. Пока Ольга пересыпала муку и пшено, Даша рассматривала фотографии, висевшие на стенах. На одной из них были сняты Костя, Матвей и Женя в парадной форме.

– Оля, отдай мне эту карточку, – попросила Даша.

– Нет. Эту не дам. Дам лучше.

Ольга Петровна открыла сундук, достала альбом, полистала и дала Даше фотокарточку, где Костя – в центре, Матвей – справа, а Евгений – слева сидели за столом в парадной форме.

По дороге обратно, к Долговым, Ольга заговорила.

– Даша, у нас с тобой одна судьба. Слово судьба происходит от двух слов: «суд» и «Бог». Не будем роптать, будем стойко переносить то, что присудил нам с тобой Бог. Он увидит наше терпение и вознаградит нас. Он уже вознаградил нас. У кого, кроме меня, в станице есть мука, пшено и сало? Почти ни у кого. Станица голодает. Доедают овощи, а с Рождества Христова – смерть. А я знаю, что ни я, ни Соня с голода не умрём, этого не допустит Екатерина Ивановна. Попала и ты, Даша, сюда по суду Божьему. Держись за место руками и зубами.

⁵ В Могилевской губернии – в могиле. (Прим. ред.)

Глава седьмая

Тридцатого сентября 1920 года Иван Семёнович приехал в Михайловку. Остановился он, по записке Екатерины Ивановны, у её двоюродной сестры Марии Семёновны. Привез он ей два ведра картошки, вилок капусты, мяса, свежих и солёных помидоров и огурцов, мочёного тёрна да два солёных арбуза.

Поезд, в котором ехал Михаил Иванович, в Балашове наполнился ранеными, выписанными из госпиталей. В Михайловке из поезда вышли те, кого встречал Иван Семёнович. Он собрал их, объяснил обстановку, привел на квартиру. Когда умылись и сели за стол, Иван Семёнович спросил:

– Вы не хотите перекрестить лбы?

– Зачем, – багровея, спросил Пётр Семёнов.

– Затем, Петя, чтобы не поперхнуться, – ответил Иван Семёнович.

– А он есть, Бог? – спросил Пётр, багровея ещё больше.

– Всякому дураку ясно, что есть, – ответил Иван Семёнович.

– Зачем он допустил то безобразие, из которого мы сейчас едем? – громко и угрожающе спросил Пётр.

– Петя, злоба, которая тебя посетила сейчас, плохой советчик. Спорить надо в здравом уме. Не хочешь, не крестись, успокойся, но Бога не забывай и не обвиняй его в том, что вы накуролесили сами, добровольно, без Бога. Вы в 1917 году бросили фронт, изгнали офицеров из сотен и полков, это вам Бог виноват? Он вас заставил? Но Господь милостив. Он послал вам прапорщика Калинина, а вы послушали его? Пошли защищать Русь и Дон? Нет. Пошли добровольно к предателю казачества Миронову и стали воевать сами против себя. И тут вам Бог виноват? Иисус Христос, возносясь на небо, говорил своим апостолам: «Я буду вам помогать, если вы меня попросите». Вы попросили Бога о помощи?

Нет. Вы научились грабить, материться грязно и в несколько этажей. Вы родились от казаков. До гражданской войны были казаками, а сейчас кто вы? Я не знаю, кто вы, но я точно знаю, что вы не казаки. Слово «казак» стало ругательным словом. Земли больше у вас нет. Земля теперь «общенародное достояние». Сколько казаки пролили своей и чужой крови за казачью вольность, за казачью землю, а теперь казачья вольность и казачья земля украдены вашими вождями: Лениным и Троцким. Приедете домой, подлечитесь и вас стравят рябых с конопатыми, чтобы вы перебили друг друга. В доме Тимофея Долгова жил комиссар. Мы носили ему самогонку и табак, и разговаривали с ним, задавали вопросы. Я прикинулся инородным. Он мне сказал, что Дон, Кубань, Терек, Урал будут очищены от казаков. А земли будут заселены немцами. Он говорил как прапорщик Калинин, что Ленин, по матери, полугрекой и полунемец. Петя, на вот, разлей на всех. Хозяюшка, выпей с нами, – пригласил Иван Семёнович.

– Нет, нет, нет, – зашумела и замахала руками хозяйка.

– Где твой муж? – спросил Иван Семёнович.

– В Балашове, в госпитале, – ответила хозяйка.

– Если хочешь дождаться мужа, то выпей. Берите, ребята, за встречу, за возвращение домой, – призвал Иван Семёнович.

Хозяйка выпила первой.

– Дорогие мои братья во Христе, от всей души поздравляю вас с возвращением домой. Раны ваши заживут и вы снова заживёте. Солнце будет вам светить, а вы будете радоваться и растить детей. Ваши жёны ждут вас. Казаки выпили и закусили. Иван Семёнович заметил, что хозяйка не ела мясо:

– Кому бережёшь мясо?

– Сынок у меня уехал высевать шлак.

Иван Семёнович ушёл в кибитку, взял с фунт мяса, полтора фунта сала, буханку хлеба фунтов на восемь.

– Вот, хозяйшкa, твоему сыночку. Много высеваeт? – спросил Иван Семёнович.

– Когда как. В среднем ведро. Позавчера привёз мешок настоящего угля. Кочегар дал, когда чистил топку.

Поблагодарив хозяйку за приют, казаки выехали из Михайловки в двенадцать часов дня. Когда подъехали к подъёму, Иван Семёнович всполошился и закричал:

– Стой!

– В чём дело?

– Возвращаться надо, – пояснил Иван Семёнович.

– Зачем?

– А сундуки ваши где?

– Какие сундуки? – спросил Иван Никулин.

– Не знаю какие, но знаю, что казаки со службы возвращались с сундуками полными, набитыми форменной одеждой и гостинцами.

– Не квели душу, а то схлопочешь костыля по спине, – огрызнулся Никулин.

– Вы сундуки провоевали, а меня костылём. Хорошенькое дело.

* * *

Михаил Долгов и Иван Семёнович отгородясь от кибитки пологом, разговаривали полупрошепотом.

– Откуда такие громадные лошади? – спросил Михаил.

– Наша станица шесть раз переходила из рук в руки. Все били, все колотили, тянули, грабили, рассыпали. Последний раз в ваших садах стояла белая батарея, красные от кургана повели обстрел. Два снаряда попали в ваши сады. Одна лошадь была убита наповал, а две вот эти ранены в стёгна⁶. Командир батареи, вахмистр, приказал застрелить лошадей и оттянуть трупы к Исаеву буераку.

Наташа к нему. Отмолила за ведро самогонки. Стрелять не стали. Тут и началось: двое несут парные хомуты со шлеями, с махрами, другие несут одноконные хомуты, третьи несут дуги ломовые, четвертые катят телегу с длинным дышлом, пятые тянут телегу с длинными оглоблями. Все это хозяйство стоило два ведра самогонки. Уехали белые. Наташа пригласила Михея Васильевича. Он посмотрел и сказал, что вылечить можно. Промывать раны настоем полыни и корня лопуха, а бинтовать листьями лопуха. Первый раз Михей все сделал сам, а Наташа помогала и училась. Кормили и поили лежащих лошадей чуть ли не круглые сутки. На третий день лошади встали. И вот они перед тобой, но они не твои. Они принадлежат девочкам Наташи.

Давай начнем с самого начала. К чему ты едешь? Твоя супруга Екатерина Ивановна имеет: дом, в доме все соблюдено до нитки, до иголки, пять овечек, десять ягнят, пять кур, две девочки и руки, и ноги больные экземой. Девочки Василия и Тимофея имеют: две пары лошадей, две пары волов, четыре коровы, двенадцать голов молодняка, сорок пять голов овец, уток, гусей, кур, две свиноматки: одна с поросятами, вторая супоросая, шесть боровков. Опекунство оформлено на Екатерину Ивановну. Теперь ты оформишь на себя. Екатерина Ивановна пригласила работать: меня – ухаживать за лошадьми и свиньями, Ивана Белого – за крупным скотом и овцами. Марию Фоминичну Ермилову – готовить еду людям и свиньям и ухаживать за птицей. Девушку Лизу – ухаживать за собой, за детьми, за домом и стирать. Но Лиза вышла замуж

⁶ Стегна – бедра. (Прим. ред.)

за солдата-инвалида на двух детей. А позавчера Иван Никитович привел Екатерине Ивановне вместо нее красивую и видно умную девушку Дашу.

А зерна у Вас, Михаил Иванович, столько, что можно смело не сеять пять, а то и десять лет подряд. Весной 1916 года царь увеличил закупочные цены на зерно и мясо. Урожай шестнадцатого года мы весь продали. А урожай 1917–18–19–20 годов целиком в амбарах. Сусеки полны, мешков до потолка. Куда девать зерно? Наталья придумала: срывать в амбаре полы, рыть ямы как можно глубже, выстилать брезентом и сыпать туда зерно. Надо было рыть такие ямы, чтобы все зерно в амбаре в них поместилось. Под пятью амбарами у вас зерно. Сена накошено на пять лет. Косили в ендовах⁷. Там такая трава, я такой никогда не видел! Гущина такая, что и пяти шагов не сделаешь по траве, запутаешься и упадешь! Пырей. Лист чуть ли не в два пальца. А по низу клевер, выше аршина.

Как-то за несколько дней до Петрова дня, я пришел днем почистить свинарник и конюшню. Почистил, навоз вывез. Наташа мне говорит: «Дядя Ваня, оседлай этих лошадей», а сама пошла в дом. Я оседлал, стою жду. То ли от устатка, то ли от тепла, я прислонился к углу конюшни и придремал. Слышу голос: «Коня мне!» Я луп глазами, а на крыльце белый офицер стоит: фуражка с кокардой, гимнастерка шерстяная защитного цвета, ремни, пашка через плечо, штаны с лампасами, сапоги лаковые. Я рот разинул и не знаю, что мне делать. И, видимо, рот слишком разинул. Слышу: «Чего рот раззявил? Коня мне!» Подхожу с лошадьми к крыльцу, все на мне трусится, а этот офицер мотнул головой, фуражка съехала со лба на затылок и я увидел Наталью. Хотел плюнуть и заматериться как следует, а материться мы научились у красных в несколько этажей и с прибаутками, но не посмел. Уж больно мы все её уважали. А она говорит: «Извините, дядя Ваня, я Вас разбудила?» – Долгов засмеялся. Засмеялся и Иван Семенович.

– А как она сидела в седле? Картина! Я так не умею.

Выехали за мост, она крикнула: «Держи за мной!» А сама с места в галоп. Не доезжая Пешинских хуторов, Наташа спешила и стала искать дорогу. А потом пошла и пошла, и пошла. Я за ней. Подошли к камышу. А он стоит по высоте, как телеграфный столб и толщиной в большой палец! Наташа говорит: «Это енды. Земля Пешинских хуторов, но казаков нету, косить некому, возить не на чем. Будем косить мы. Держи за мной след в след». Пробираемся мелкими шажками, прошли, чувствую, версты две. Я говорю: «Наташа, мы не заблудились?» – «Нет, дядя Ваня, попали точно». Она до замужества с отцом и дедом здесь косила и все знает. Сажень через десять вышли на чистое. А там! Пырей в пупок. Краем над камышом, чтобы не мять траву, поехали в дальний конец. А зрелище чудесное! Ветерок дунет, а по полю волны, как на воде. На обратном пути Наташа рассказала, что там, где сейчас бугор с пыреем, когда-то тек Хопер и был бездонный омут. Наша станица стояла там, где сейчас Пешинский хутор Кузьмин. Её смыл Хопер в половодье. Триста шестьдесят домов с надворными постройками, садами, церковью. Все легло в этот омут. Приехали в станицу. Она у дома Дегтяря спешила, отдала мне повод своего коня и говорит: «Езжай домой и пригласи Илью и Филиппа Васильевича». А сама привела двенадцать воронежских косарей. И сразу за дело: заводить баню, стричься, бриться, купаться и обед. Илья и Филипп Васильевич ладят травокоски, конные грабли, телеги, арбы. На третий день мы ушли со всем скотом в енды, а к нам в станицу пришла «саранча». Это вооруженные дети пятнадцати-шестнадцати лет, вместо расформированного Мироновского корпуса. Наташа ухватила двух комиссаров, привела к себе на постой и поставила их жить в дом Тимофея, а Полина перешла жить к Наташе.

Ночью начали хоронить зерно. К утру обработали три амбара. Под каждым амбаром было не менее двух тысяч ведер зерна. На следующий вечер обработали еще два амбара. Шестой

⁷ Ендова – (казачье) сырое, заливное место. (Прим. ред.)

амбар пошел вбок. Мы его подперли дубовыми столбами, но под ним не менее ценное. Там мануфактура: сукно, шерсть, льняное полотно, бязь – все девочек-сирот.

– Откуда мануфактура, – спросил Михаил?

Пришел к нам Иван Никитович и сказал:

– Вы сохранили скот, а у других ничего нету, свои у вас разворуют. В хуторе Ярском есть контора, которая закупает скот за деньги. В ней на эти деньги можно купить: полотно разное, одежду, обувь, сахар, мыло, посуду. Я советую вам отогнать лишний скот.

Седлаю лошадей и в Ярской. Наталья оделась в военную форму. Приехали. Нашли контору. Приемщик, видимо бывший офицер, представительный красивый. Наталья возле его гоголем ходит. Он весь сомлел. Красный, как рак вареный. Договорились: завтра пригоняем. Вышли со скотом в три часа ночи. На своем лугу, под Песками, попасли скот два часа, напоили и пошли. Дорогой, как только балочка с травой, останавливаемся, кормим. Пришли, Наташа к приемщику. Подпрыгнула, поцеловала его в щечку, скот сдали. Получили: восемьдесят четыре тюка мануфактуры, четыре ящика хозяйственного мыла, два ящика яичного, мешок мелочи и двадцать семь мешков сахара.

Когда мы подъехали к Поду, выскочили пять верховых и наметом идут за нами. Видимо, хотели подержать нас за карманы. Но Наталья всё предугадала. С нами было трое воронежских. Она им дала ваши дуствольные ружья, себе взяла винтовку и дали по нагоняющим два залпа. Те остановились, а потом поскакали в обратную сторону.

– Наталья легко себя вела? – спросил Михаил.

– Что ты, Михаил Иванович, чистейшие ваши женщины. Я с ними давно живу, всё знаю. Когда мы ехали домой, я сказал Наталье: «Пересаливаешь, можно вызвать насилие со стороны мужчин».

Она достаёт из кармана брюк наган и говорит: «Вот мой защитник».

Вот такая она, Наташа. Купила Наташа наган у белого артиллериста за три бутылки самогона. И ещё двадцать патронов к нему отдельно за бутылку.

А купила она наган потому, что к артиллеристам, стоящим у вас, ходил земляк, прапорщик, такой ловкий и красивый, с усиками на английский лад, голубоглазый. Красавчик. Стал ухлёстывать за Наташей. Вот тут она и купила наган. Спала она в малой арбочке, под пологом. Видит Наташа ночью, что красавчик заглядывает к ней в арбу. Она выглянула из-под полога и говорит: «Уйди, а то убью как кобеля».

А он с насмешкой: «Стрелец из дуствольного аппарата? Лучше подвинься, да я залезу».

Наташа подняла наган и ещё говорит: «Уйди добром, а то убью».

Он не уходит, скалится. Наташа стрельнула ему под ноги и захватила второй палец на правой ноге. Красавчик взвыл, взвился выше арбочки и молнией кинулся к калитке. Но калитку открывать не стал, а махнул через забор. Дежурный артиллерист стрелял в него, но, видимо спросонья, не попал. Через неделю пришёл, Наталья его увидела, сразу сказала: «Так вот, прапор, знай теперь, что за любовь надо платить. А ты хотел, не говевши, просвиру съесть. А бегать ты умеешь здорово, и сигать через забор умеешь».

После этого прапор старался с Наташей не встречаться.

Екатерина Ивановна всех, кто ей помогает, одарила полотном. Нам с Иваном Белым дала на двоих тук темно-серой шерсти и тук бязи. С Марией Фоминичной Екатерина Ивановна разделили тук шерсти, тук льняного полотна.

Убрали полотно под первый амбар. Боялись, что «саранча» вернётся.

Вот куда ты едешь. Если у тебя фактически ничего нету, так у тебя есть возможность поступить в опекуны, и за счёт опекаемых жить, и впоследствии нажать себе корову, бычат. А вот мне куда деваться? Завтра утром приду убирать лошадей, а ты мне скажешь:

«Спасибо, Иван Семёнович, за помощь, но я больше не нуждаюсь в твоих услугах». Что мне тогда делать? Ложись на дороге и протягивай ноги, умирай сам и умирай семейство.

– Я, Иван Семёнович, думаю, что нам вместе будет жить и легче, и кормнее. Возле такой тягловой силы могут жить человек сорок – пятьдесят.

– Дай-то Бог.

– Скажи, Иван Семёнович, к чему они едут, – глазами показал Михаил на кибитку.

– Страшно говорить. Был вчера у Петра, что креститься не хотел. Жена вместо юбки овчину нацепила. Овчину! На плечах рваный платок. Он и за кофту служит. Мать-старуха и сынишка голые сидят на печке. На койке две невыделанные овчины и всё. И почти у всех так же.

– Куда чего подевалось? – спросил Михаил.

– «Саранча», грабила жителей, убивала скот, разбивала сундуки и забирала одежду. Люди остались без еды, без скота, без постелей, без одежды. И тиф «саранча» занесла. Станица вся слегла в тифу. Семья лежит вся, ухаживать некому. Всё под себя. Одежда и постель под людьми сопрели. Начался голод. К весне все передохнем. Михаил Иванович, ты мне задавал вопросы, я отвечал. Теперь я задам тебе вопросы, а ты будешь отвечать.

– Обязательно буду, – ответил Михаил.

– Скажи, кто ты теперь: буденовец или белогвардеец?

– На вот, читай мои документы, – предложил Михаил Иванович.

Иван Семёнович, прочитав документы Михаила, спросил:

– А где награды?

– Шашка в кибитке, а часы вот, – Михаил вынул часы из кармана, открыл крышку и передал их Ивану Семеновичу.

– По документам, Михаил Иванович, ты – буденовец. Но я не читал характеристику от Деникина.

Оба засмеялись.

– И Деникин дал бы хорошую характеристику. Я и там честно служил. Но главное я и там, и там не убил ни одного человека своей рукой. Однажды я получил задание: поймать «большую красную птицу». Переодевшись в чистильщика обуви, я перешёл к красным. Я знал, что здесь, у красных, служит мой побратим ещё с германской войны – Клим Задорожный. Он раненный оставался на поле брани. Его ждали или смерть, или плен в лучшем случае. Я вернулся, втянул его к себе на седло и ускакал. Били по нам мадьяры, пули свистели вокруг нас, но ни одна нас не задела. Нашёл я его. С его помощью поймали комиссара дивизии Янкелевича, привезли к нам в штаб, вручили ему пакет-послание штаба добровольческой армии Ленину о перемирии, мире и мирном решении судьбы России, отправили этой же дорогой назад. Ответа от Ленина не последовало. Судьба России Ленина не волновала. Ему нужна была одна победа, чтобы стать хозяином России, то есть хозяином пространства России, а людей в Европе много. Ленин хотел стать мировым царём, но не получилось. Зажжёная революция в Европе быстро погасла. Ленину деваться некуда, ему пришлось думать, как жить в России. Он придумал хитрый, но не умный план: продразвёрстку и продовольственные отряды, которые окончательно угробили сельское хозяйство России, а народ довели до голодомора. Сельское хозяйство России цвело буйным цветом по правилам, данным великим сыном России Петром Аркадьевичем Столыпиным, – рассказывал Михаил.

– Я не пойму, за что Бог наказал ваших снох? – спросил Иван Семёнович.

– Может наказал, а может помиловал, – сказал Михаил.

– Почему ты так говоришь, Михаил Иванович? – изумился собеседник.

– Потому что дальше мы будем жить ещё хуже.

– Откуда это тебе известно?

– Это мне известно из предсказания нашего русского предсказателя монаха Авеля. Сын ярославского кузнеца, с детства был косноязычным, этим он был отмечен Богом. За несколько десятков лет до смерти царицы Екатерины Второй он указал год, месяц, день и час смерти её.

И умрёт она в туалете, опившись кофе. Когда Екатерина Вторая умерла в точно назначенное Авелем время, Павел Первый, ставший императором, освободил Авеля из тюрьмы, приказал постричь, обмыть, подкормить две недели, и представить к нему на беседу. Беседу с Авелем Павел Первый, ставший императором, записал на бумагу, перевязал шнуром, а на конце шнура повесил свою императорскую печать и запечатал в ларец. А на ларце написал своё указание: «Можно вскрыть только через сто лет после моей смерти тому, кто будет в это время императором России». Император Павел Первый был убит своими приближёнными в 1801 году. Подошёл 1901 год. Император Николай Второй вместе с женой поехал в Гатчину, где хранился ларец с предсказаниями Авеля, вскрыл его, прочитал, содержимое приказал сжечь, но кто сжигал предсказания Авеля, прежде снял копию. На бумаге из ларца были написаны вопросы Павла Первого и ответы Авеля. Вот один вопрос: «Долго ли Россией будут управлять Романовы?» Ответ: «До 1918 года. Последним Императором будет Николай». Не сказано только, какой по счёту. Павел Первый: «Что будет с Россией, когда ей перестанут управлять Романовы?» Ответ: «Там, ваше императорское величество – страшно». Вот в это страшное время мы и живём с тобой, Иван Семёнович, – пояснил Михаил, – Николай Второй был истинно верующим человеком, он всегда говорил: «Пусть совершается суд Божий». В 1915 году Николай Второй был на фронте. Он ездил в карете, запряжённой шестёркой лошадей. Впереди кареты – эскадрон гусар. Сзади кареты – сотня казаков. Однажды противник заметил этот поезд и повёл артиллерийский обстрел. Снаряды стали ложиться густо и близко, слышен был свист осколков. Начальник охраны обратился к Николаю Второму:

- Ваше Императорское Величество, разрешите свернуть за холм.
- Гони прямо, ещё не восемнадцатый.

Проскочили обстрел, остановились – карета вся изрешечена осколками, крайний от кареты ездовой убит, а на Николае Втором ни царапинки. Когда Керенский сослал Николая Второго с семьёй в Тобольск, нашлись офицеры, которые хотели освободить Николая Второго. Они, подготовили паровоз с двумя вагонами, охрану, имели договорённость с Японией, но Николай Второй заявил офицерам: «Пусть совершается суд Божий». В Екатеринбурге тоже был подготовлен побег Николая Второго. Он и тут заявил: «Пусть свершается суд Божий». Николай Второй, его жена, дочери, ещё девочки, мальчик Алёша больной, были убиты с шестнадцатого на семнадцатое июня 1918 года. Убийство было по устному приказу Ленина. Приказ этот в Екатеринбург передавал Яков Свердлов.

- Почему Ленин пошёл на такое злодеяние, – спросил Иван Семёнович.

– Ленин пошёл на такое злодеяние, Иван Семёнович, ради самосохранения. Ленин знал, что при нём людям будет жить значительно хуже, чем при царе. Ленин старался продлить Гражданскую войну, насколько он мог. Ленин говорил: «Казаки – это такое сословие, которое не подлежит перевоспитанию, а подлежит уничтожению». И ещё, почему будем жить плохо, – сказал Михаил, – сегодня ни одна страна не может жить без торговли с другими странами. Не может каждая страна мира делать всё, что ей требуется от иглой швейной до автомобиля, паровоза и аэроплана. А с нами, то есть с Россией, никто торговать не будет. Мы сами себя опозорили тем, что бросили фронт, предали союзников по борьбе против Германии. Главными виновниками в этом позоре России являются большевики и их вождь Ленин. Германия не победила, хотя Россию Ленин вывел из войны. Победили Англия и Франция, и предательство России они не простили. В Германии кайзер Вильгельм Второй был свергнут. Новое правительство Германии требует с Ленина вернуть деньги, которые ему дали на шпионскую деятельность в России.

- А что, Ленин – шпион? – с удивлением спросил Иван Семёнович.
- Самый настоящий высокооплачиваемый шпион в пользу Германии.

– Вот это да... Вот это свергли царя. Да царь хотя б шпионом не был. Да Ленин всю Россию чохом отдаст Германии, – возмущался Иван Семёнович.

– Германия требует с Ленина деньги, а где он их брать будет – неизвестно, – закончил Михаил.

– А Ленину не стыдно занимать пост главы правительства, вчерашнему шпиону? – спросил Иван Семёнович.

– Есть люди, которые не знают стыда. С нами другие страны не будут иметь дела ещё и потому, что наше правительство считается незаконным. Оно никем не избранно. Оно пришло к власти путём вооружённого государственного переворота, а в Европе это не поощряется. Совсем скандальный случай. Когда военный отряд Ленина арестовывал временное правительство, то среди министров премьер-министра не оказалось, он в это время мчался в вагоне поезда на запад с двумя большими баулами и сумкой, набитыми туго деньгами. Ленин и Керенский – друзья с детства. Керенский ухаживал за Ольгой Ульяновой, но свадьба не состоялась. Ольга до свадьбы скоропостижно умерла. А теперь вот они так разменивали Россию. Но, живыми люди в гроб не ложатся. И мы не ляжем. Будем пахать, сеять, водить скот, ловить рыбу.

Глава восьмая

Приехали домой на третий день. Родственники Михаила, родственники Кати, помощники собрались во дворе Долговых. Подъехав к воротам, Михаил вылез из арбы, шагнул к людям, стоящим за двором.

– Здравствуйте, люди добрые. Я рад всех вас видеть живыми. Я желаю, чтобы вы дождались своих родных. Матрёна Ивановна я привёз вам вот такой поклон от вашего супруга, – Михаил переломился в поясе и достал рукой земли, – жив и здоров ваш Тимофей Семёнович. Я предложил ему написать письмо, а он мне сказал, что писать, кроме крестов, ничего не умеет. Аксинья Петровна, тебе письмо от супруга Сергея. Клавдия Гавриловна, и Вам письмо. Прасковья Поликарповна, Вам письмо и фото. Екатерина Васильевна, получите и Вы письмо. Письмо единственному старику из присутствующих Михаил задержал и отдал самым последним. Задержал для того, чтобы спросить: почему женщины получают письма без радости, а лица у всех чёрные, глаза впалые.

– А ты завтра пройди по станице, заходи в любой дом и увидишь людей голыми, босыми и голодными. И по миру идти не в чем, одежды и обуви нету.

Далее Прохор Самойлович стал говорить шёпотом:

– Нету больше казаков. Есть бойцы, как на скотобойне. Чего вы заслужили – голод, тиф, разруху.

– Об этом завтра. Приходи в обед. Возьми с собой ведро и мешок. Получи, Прохор Самойлович, письмо, деньги, а главное – часы. Внуку в награду дали, а он Вам прислал. Больше писем нету. У кого есть вопросы, приходите завтра. А сейчас меня ждут родные. Михаил шагнул во двор, в котором родился, и из которого три года назад ушел в неизвестность.

– Слава тебе, Господи, свиделись, Мишенька, – говорила Катя, обнимая мужа.

– Свиделись, Катенька. Слава Богу!

– Я пойду столы накрывать, – сказала Катя.

– Иди, если надо, – прошептал Михаил.

Потом подошли дети – шесть девочек. Михаил одарил их длинными конфетами с махориками⁸ и петушками-леденцами на палочках. Последней подошла Даша. Она сложила руки на животе, поклонилась в пояс и сказала:

– Плотникова Дарья Ивановна, помощница Екатерины Ивановны.

В доме за столами сидели родственники и те, кто помогал здесь Екатерине Ивановне. Михаил Иванович, приветствуя сидящих, говорил:

– Дорогие мои родственники и друзья! Я приветствую всех в моём доме, благодарю вас за то, что вы пришли встретить меня. Я желаю вам дождаться своих родных и желаю вам здоровья и счастья. За это прошу выпить да закусить, чем Бог послал!

Когда гости стали прощаться, Надя, жена Сергея Долгова, троюродного брата Михаила, всхлипывая от стыда попросила:

– Катя, если можно, дай кусочек хлеба моему сыночку. Давно едим одну картошку и свёклу. Мальчик почернел весь, скоро пухнуть начнёт.

– Останься, Надя, дам, – ответила Катя.

Это услышал Михаил. Он видел, что когда гости ели, некоторые клали себе в карманы куски хлеба.

Михаил опередил жену:

– Пойдём, Катя, в амбар. Дадим что-либо Наде.

– Подслушал, окоянный, – пошутила Катя.

⁸ Махорики – бахрома. (Прим. ред.)

– Так я же разведчик, – в тон ей ответил Михаил.

– Пойдём, разведчик. Зайди в стряпку, возьми ключи от амбаров, а ты Надя, сядь вот тут, мы быстро.

В амбаре Михаил, по указанию Кати, насыпал, узкое ведро пшена, застелил тряпочкой и сверху положил кусок сала. А широкое обливное ведро наполнил пшеничной мукой.

– Закрой муку, тряпкой, разведчик, сверху положишь буханку хлеба из стряпки, а в кладовой возьмёшь несколько кусков сахара и дашь Наде в карман.

Провожая Надю, Катя сказала ей:

– Дома отрежь хлеба с фунт и дай кусок сахара девочке-домоседке, не скупись. А сегодня и каждый день приходи к нам за молоком. Не стыдись, Надя, мы же родня. Будем помогать друг другу.

Проводив Надю, Михаил с женой вернулись в дом. Ольга Петровна, до этого сидевшая молча, кинулась к Михаилу, обняла его и зарыдала. Ольга Петровна плакала долго. Сперва Михаил стоял, потом сел на стул, а Ольгу посадил к себе на колени.

Плача, Ольга Петровна просила:

– Рассказывайте, Михаил Иванович. Я первый раз плачу после ухода Кости, простите меня.

– Последний раз я видел Костю, Матвея и Женю двадцатого марта этого года в Новороссийске, при посадке на корабль. Точно видел, что Матвей и Женя сели на корабль. Кости среди них не было. Погрузка на корабль прекратилась и была перенесена на завтра. Я считаю, что Костя остался, как я. Я долго бродил по пристани, думал, что Костя опоздал и прибежит, но не дождался. Когда я шёл на квартиру, которую покинул утром, на одной из улиц увидел четырёх коней, один лучше другого, привязанных к забору. Один был золотистый с малиновым отливом, лысый, на четыре ноги белоногий. Я такой масти никогда не видел. Я отвязал его, он пошёл за мной. Зачем я взял коня, я и сам не знал. Их привязали хозяева, а сами ушли на пароход. Завтра мне на пароход, а коня куда я дену? Зашёл с конём в полк, спросил про Костю, Костю никто не видел. Я взял мешок овса, положил на седло и пошёл на квартиру. А там, в двух дворах, идёт запись: в одном дворе – в армию Врангеля, в Крым, а в другом – к Буденному. Я заглянул в тот двор, где записывались к Врангелю, там стояли почти одни офицеры. Я – во двор, где к Будённому, там – рядовые и унтер-офицеры. Я записался к Будённому. Один есаул записавшийся к Врангелю, увидел моего коня и стал просить его продать. Я не хотел. Он силой забрал у меня коня и сунул мне в руку свёрток в тряпке. А сам вскочил на коня и пропал. Я развернул тряпку, а там деньги, три тысячи рублей. Из Смоленска я послал Кате две тысячи. Ты получила их? – обратился Михаил Иванович к жене.

– Да, они в сундуке лежат, – отозвалась Катя, – расхода на них нету.

– Я подговорил двух казаков пойти за остальными лошадьми. Прибегаем, кони рвутся. Я отвязал себе гнедого. Напоили, дали овса, по кусочку сахара. Так я оказался у Буденного, а Костю нигде не встречал. Я думаю, он остался в России. Дорог много, по которым он может пойти. Он мог уйти к Буденному, мог уйти на Кавказ к чеченцам пасти овец, скот.

Глава девятая

На следующий день, после отъезда Михаила Долгова из полка, Гаврила Сеимов, оставшийся за него, Степура, Прошин и Петухов, не спрашивая разрешения у командира полка, перевели свои эскадроны восточнее станционного посёлка версты на три. На требование комполка вернуться на прежние позиции ответили отказом. Не подчинились, заявив, что если поляки нас не атакуют в течение трёх дней, то они кладут головы на дровосеку. Комполка доложил Будённому. Будённый, вызвал Степуру с Прошиным. Выслушав их объяснения, наказывать не стал, а наметил к демобилизации. С Будённым говорил Степура, Прошин молчал.

– Последнее время, Семён Михайлович, у нас преступление за преступлением. Выход из окружения совсем не был организован. Послали людей с пашками на пушки и пулемёты. И если бы этот самый бывший белогвардеец, но честный человек, Долгов не спас положение, не было бы у нас четвёртой дивизии, а уж первого полка подавно. И никто за это пока не ответил. Один наш полк ушёл к полякам. Это что-то значит.

К моменту демобилизации Степуры и Прошина, из полевого госпиталя явился Красненький и как первый свидетель того события тоже пошёл под демобилизацию.

Утром, когда Михаил с женой лежали в постели и Михаил ещё дремал, Катя спросила:

– Миша, а почему ты о братьях ничего не говоришь?

– Их нету. Я их похоронил, – сказал Михаил и осёкся.

Катя, испугавшись услышанного, села, обхватив колени.

Тихо плакала. Ей было жаль Василия и Тимофея, красивых и умных Долговых. Ей было жаль четырёх девочек, заботы о которых легли на её плечи. Девочки будут жить с ней, подчиняться ей, уважать её, но будут знать, что она им не мать, а тётка. Ей было жаль себя. Сумеет ли она вынести эту ношу? Хватит и ей двадцати четырёх часов в сутках, чтобы сработать всю работу, которая свалится на неё? Помолчав немного, Михаил сказал:

– Катя, давай помянем братьев и снох.

– Давай, я не возражаю. Но как?

– У нас зерна много. Размелем и развезём по дворам по ведру или по два на едока.

– Хорошо, Миша.

Утром Михаил сходил к ветрячнику, а с обеда они уже мололи тремя ветряками зерно. Слух о том, что Михаил Долгов будет развозить по дворам муку, смолотую из запасов зерна своих умерших снох, разнёсся по станице. На следующее утро, когда к ветрякам подошли две воловых и две конных подводы развозить муку, у амбаров Михаила встретили семь женщин, которые пришли узнать правда ли это.

– Смотрите, бабочки: вот подводы, вот мука, сейчас погрузим и повезём по дворам.

– Михаил Иванович, пока суть да дело, а у меня сынок не встаёт. Ты мне всыпь трошки. Я сварю ему галушки.

– Сумки у вас с собой? – спросил Михаил.

– Сумок нету, а вёдра есть, – ответила одна из женщин.

– Давайте ваши вёдра.

Михаил насыпал им по полному ведру и сказал:

– Идите с Богом, варите вашим ребятам галушки. И поминайте Наталью, Полину, Василия и Тимофея за упокое.

Муку развезли за день.

В середине октября, как снег на голову, явились три бывших будёновца, командиры эскадронов: Степан Ефимович Сенчуков – Степура, Фёдор Иванович Прошин и Иван Павлович Горшков – Красненький. А ещё через два дня из Урюпинской приехал представитель

власти и вместо умершего председателя волостного совета Платонова Платона Платоновича назначил Горшкова, начальником милиции – Прошина, военным комиссаром – Сенчукова. Долгову Михаилу Ивановичу, самому умному из них, должности не досталось. А зря. Он один сделал бы больше, чем они втроём. Но такая уж началась жизнь: раньше казаки сами себе избирали власть, а теперь власть назначали сверху. За что воевали, то и получили.

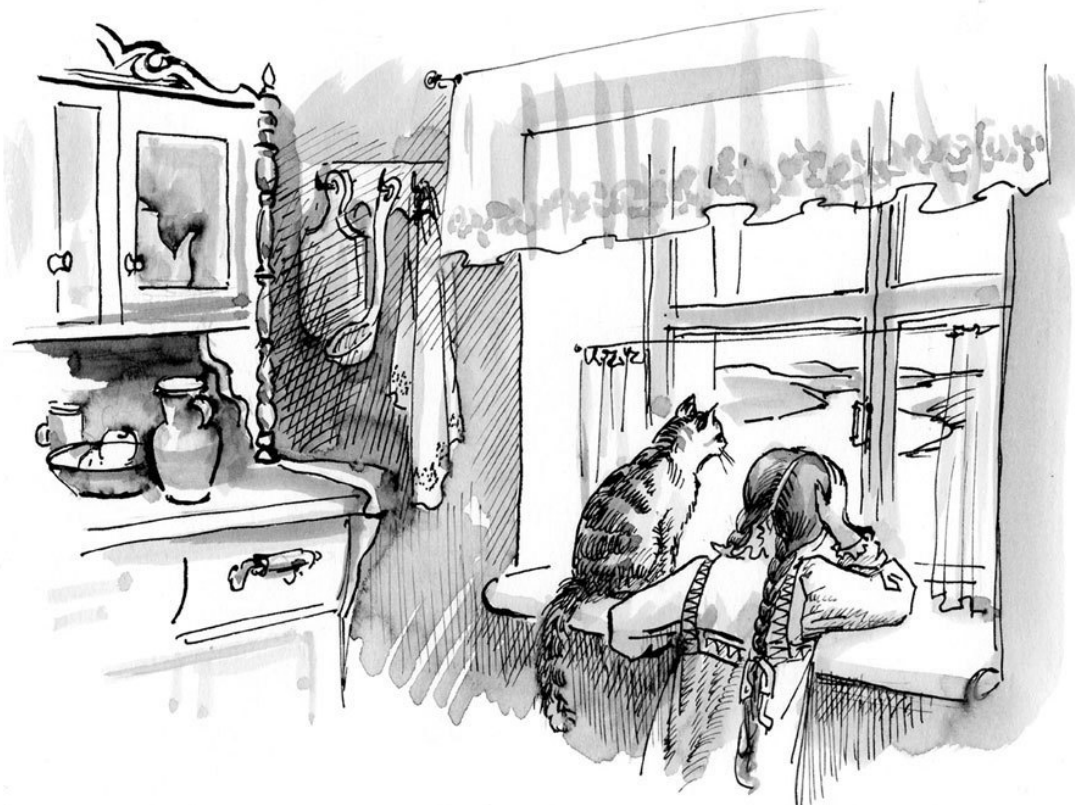
За два месяца до прихода Михаила Долгова домой в станице разыгралась драма. Белые уходили из станицы, красные входили в станицу. Белые ушли за Хопёр и от-туда, из пушки кинули в станицу два снаряда, один из которых попал в окно дома Акулины Поповой, двоюродной сестры Кости Попова, жены Павла Сиволобого, служащего у Будённого. Снаряд, попав в окно, разорвался внутри дома. Сгорели дом, надворные постройки и вся живность. Акулина с тремя девочками была на огороде в Лучке. Когда Акулина с детьми пришла домой и увидела пепелище, она вскрикнула, заломив руки, упала набок, повернулась на спину, потянулась как спросонок и умерла, оставив трёх девочек. Девочек разобрали сёстры Павла: Мария, Матрёна, Федора. Похороны и помин Акулины взяла на себя Катя Долгова. После поминок, Катя проверила детские недоноски в трёх домах, набрала детской одежды и обуви, передала Марии, а там они сами разделили.

На второй день после назначения нового начальства Михаил Долгов пошёл в Совет. У крыльца встретил Родиона Яковлевича Земцова, героя германской войны, полного георгиевского кавалера. У Будённого Земцов заслужил два ордена Красного знамени, но лишился здоровья полностью. Он еле ходил, ходил кособоко, часто у него случались приступы психической болезни. В такие моменты он просил походить пятками у него по позвоночнику. Часто это делала Дуня, его жена, женщина солидная, весом пудов на восемь – девять. Она обувала валенки, а на Родиона надевала суконную гимнастёрку. Родион ложился животом на пол, а по его спине ходила Дуня. При таких процедурах, Родион засыпал.

Поздоровались, разговорились.

– Почему тебя не назначили председателем? – спросил Родион.

– Это понятно. Я замазанный. Да я и не взялся бы. На моих плечах шесть девочек, – сказал Михаил.

Девочек разобрали сёстры Павла...

– Дети тут не при чём, ты две дивизии спас. Не туда мы пришли. Когда уходил от Будённого не слышал, амнистию дезертирам скоро дадут? – спросил Родион.

– Нет, об амнистии ничего не слышал, – ответил Михаил.

– Пойдём к начальству, – предложил Родион. В это время к крыльцу подошли женщины.

– Михаил Иванович, за муку спасибо. Дров нету, пожгли все надворные постройки. Как быть?

– Пойдёмте к начальству, бабочки, – сказал Михаил.

Поприветствовали Ивана Никитовича в первой комнате и прошли к начальству. Трое новоназначенных начальников кинулись обнимать Михаила.

– Когда по первому эскадрону Ивана ударили пушки, и он полетел вниз головой, командир полка отдал мне команду «Приготовиться к атаке!». Я подаю команду «Шашки вон!», но один наш казак заорал: «Смотрите, смотрите наши на заставе!» Я посмотрел – и правда, наши люди разворачивают пушки в другую сторону. Вернее влево. Я не дождался команды командира полка, подаю свою: «Шашки в ножны! С места галопом за мной!» Пока мы доскакали до заставы, путь был свободен. Я ишу виновника, вернее спасителя, и вижу тебя. Стоишь, улыбаешься. Я тогда подумал: «Вчерашний белогвардеец, а сделал великое дело. Значит человека, если он человек, его в хоть какую краску выпачкай, он остаётся человеком».

– А мой эскадрон стоял за эскадроном Фёдора, и мне был бы как. Спасибо за спасение, Миша, – говорил Степура.

– Вот, женщины, насчёт дров пришли, как будем выходить из положения? – сменил тему Михаил.

Начальники переглянулись. Заговорил Красненький:

– У меня тягла нету. Пилить дубы я не гожусь – я раненный. Берите санки и езжайте в лес.

– Мы разуты, раздеты, голодные, – сказала со слезами женщина.

– Можно с дровами вопрос решить так: первое – созвать хозяев, у которых есть тягло. Второе – созвать мужиков, сильных, особенно ремесленников. Прикрепить к каждой подводе, они должны пилить и возить, и пилы точить. Третье – каждой подводе поручить дворы, которые надо обеспечить дровами. Четвёртое – завезти в каждый двор по два воза дров. Транспорт верхних улиц берёт дрова в буераке Вершинном, транспорт нижних улиц – в Остредине. Пятое – ответственный за Остредину – Фёдор Иванович, ответственный за Вершинный – Степан Ефимович. Шестое – Ивану Павловичу организовать молодёжь пилить и колоть дрова инвалидам и старикам. Вопрос с дровами будет решён в течение недели. Второй вопрос, по которому мы пришли к вам, это вопрос о дезертирах, которых в Дубраве, что блох в поганой кошке. Если их оттуда выманить, то у нас будет всё: и мука, и пшено, – говорил Михаил.

– Как? Вы хотите у дезертиров взять хлеб? Так они вам и дали. Держи мешок шире, – засомневался Красненький.

– Ладно. Если вы не хотите, мы с Родионом Яковлевичем это сделаем сами, – сказал Михаил.

– Давайте с дровами справимся, а потом возьмёмся за дезертиров, – заключил Красненький.

* * *

В этот вечер, убрав свою живность на ночь, Михаил Иванович, Иван Павлович и Иван Семёнович вышли за ворота покурить. Не успели сделать самокрутки, как Иван Белый заметил:

– Братцы, по тому порядку человек идёт.

– Ну и что? – спросил Иван Семёнович.

– А то, что это Павел Сиволобов идёт. Бедный человек. Акулина не выдержала, выдержит ли он?

– Братцы, посидите. Я сейчас, – Михаил Иванович быстро шагнул и постучал в окно. Вышла Даша.

– Даша, позови Катю, – попросил Михаил.

– Катя, пришёл из госпиталя Павел Фомич. Он теперь у Марии. А есть ли ей чем встретить брата?

– Я поняла. Я сейчас, Мишенька, – ответила Катя.

Михаил вернулся за ворота, а через десять минут Катя с двумя вёдрами на локтях и Даша с двумя вёдрами в руках вышли из калитки Долговых и направились наискосок, через широкую улицу, к дому Марии Фоминичны.

Ночью в постели Михаил говорил жене:

Павла Фомича и его детей от голодной смерти надо спасти обязательно.

– Детей его поддерживаю, даю муку, пшено, сало, картошку. Почти три мешка одежды и обуви дала. Да и сёстрам кое-что перепало, – сказала Катя.

– Давай примем его к нам, если пойдёт. Пусть женится, занимает дом, – сказал Михаил, – одену, обую, дам за год быка-третьяка и амбар, два года послужит: у него пара быков и дом из двух амбаров помогу построить. Вы с Дашей подмените Марию Фоминичну, а она разыщет Павла и приведёт.

– Так и сделаю, Миша.

Катя прижалась к Михаилу и затихла. Утром пришёл Павел и привёл двух детей: Лену, свою дочь, и Колю, сына Марии Фоминичны. Детей приняла Катя:

– Пойдёмте в дом. Вам ещё спать надо. Где ваши варежки? – спросила Катя.

– Мои порвались, – ответила Лена.

– А я свои потерял, тетя Катя. Везде искал и не нашёл, – ответил Коля.

– Ладно. Идите, досыпайте.

Катя позвала Дашу:

– Возьми ключ от дома Наташи и иди сюда.

Вошли в дом – и в кладовую:

– Даша, тяни вот этот ящик, – сказала Катя.

Даша вытянула ящик, открыла крышку и раз чихнула. Табачная пыль, рассыпанная от моли, попала в нос. Они подобрали: две пары валенок, две пары варежек, две пары носков, два платья для Лены, кусок мануфактуры на штаны Коле.

– Вот, Даша, какой хозяйкой надо быть, каким человеком. Умерла, а продолжает служить людям. Она соблюла добрую одежду в трёх сундуках. Все недоноски перемила, перегладила и сложила в ящик: «Берите, пользуйтесь, люди добрые, себе на пользу». Вот она, какая была. Простая казачья дочь – из ума скроена, а добротой сшита. Царство ей небесное, – всхлипнув и перекрестившись, сказала Катя.

Глава десятая

Во время завтрака Михаил Иванович говорил:

– Братья и сёстры, в нашу семью с нынешнего дня входит новый человек – Павел Фомич Сиволобов. Прошу, как говорится, любить его и жаловать. Он будет равноправным членом нашей семьи. Мы поможем ему встать на ноги, за это я предлагаю выпить – Даша разливала компот. Иван Семёнович пошутил:

– Дашенька, налей мне взвар отдельно вон в ту серую большую кружку, да не забудь положить груш.

– А почему Вы, дядя Ваня, от нас отделяетесь? – спросила Даша.

– Видите, мой друг, Иван Павлович, еще не вышел из детства и сразу груши вылавливает. Я за ним не успеваю.

Даша прыснула. Все засмеялись, улыбнулся и Павел Фомич. Иван Павлович ответил:

– Иван Семёнович, твоим языком да в Москве улицы подметать бы. Вот была бы чистота.

Снова все рассмеялись, снова улыбнулся Павел Фомич. Михаил заметил это и подумал: «Отойдёт человек. Поживёт с нами и отойдёт».

Завозом дров занимались десять дней. Тяговая сила Долговых: две пары лошадей и две пары волов перевезли восемьдесят возов. Дровами была обеспечена вся станица.

Утром Михаил отправился к Алексею Ивановичу Плохотину узнать о предстоящей погоде. Плохотин мог безошибочно предсказать погоду на завтра, на неделю, на месяц, почти безошибочно – на год вперед. Мог указать, какие злаки сеять надо, а какие не надо, ибо не дадут они урожая. Свои предсказания Алексей Иванович объяснял просто:

– Всё находится под властью Бога. Но он даёт нам множество примет. Если синичка прилетела к жилищу человека и плачет, жди похолодания. Если кошка чешет свои когти о деревяшку – жди похолодания. Если кочета запели вечером – жди потепления. Если птица: галки, вороны, грачи слетаются в стаи, в воздухе играют и падают на заборы, низкие кусты, а то и на землю, то жди через час пургу. Кидайся закрывать двери во всех помещениях. Если солнце село за тучу, ночью будет дождь. Если у солнца «уши» – быть морозу. Если свинья ни с того, ни с сего набрала в рот соломы и понесла в своё логово – жди холода.

Поздоровавшись, Михаил спросил:

– Я пришёл узнать Алексей Иванович, сойдёт ли снег до Рождества?

– Меня уже спрашивали об этом. Не сойдёт. А сегодня-завтра прибавится, – ответил Алексей Иванович.

– Это Вам подарок, – Михаил положил на стол два куска сахара, каждый больше кулака.

– Вот это подарок. Мы два года уже пьём чай с солодкой. Сегодня попьём с сахарком. Спасибо тебе, Михаил Иванович, – благодарил Плохотин.

– Богу Святому, – отвечал Михаил, – а что завариваете?

– Заварка у нас богатая, сушёные садовые культуры: малина, смородина, клубника, земляника, томлёный вишнёвый лист и дикie растения: ежевика, душица, иван-чай, железняк, зверобой. И людям даём.

– А сколько годков служат и трудятся ваши ручки и ножки, – поинтересовался Михаил.

– Восемьдесят пятый годок, – ответил Алексей Иванович.

– Слава Богу, Алексей Иванович, до свидания, – попрощался Михаил Иванович.

– До свидания, Михаил Иванович, приходите весной, как только бугры из-под снега покажутся, я скажу тогда, какие культуры надо будет сеять весной.

Долговы три дня возили сено, чтобы обкатать новые сани.

На мельницу повезли шестьдесят чувалов⁹ пшеницы, двадцать чувалов ржи, двадцать чувалов проса и десять чувалов подсолнечника. Квартиру нашли по записке Михаила, оставшегося дома. Хозяин, ещё крепкий старик, прочитав записку, стал открывать ворота.

– Заезжайте. Вozy ставьте сюда. Быков на бычий баз. Лошадей в конюшню. Колодец у нас свой, через два часа напоим.

За ужином Иван Семёнович рассказал о жизни станицы, что в станице голод и сильная нехватка одежды.

– Я думаю, вам надо прислать своих людей в каждый наш Придубровский хутор и хуторок, собрать людей и попросить, ради Христа, помощи хлебом и одеждой. Каждый двор даст по два – три мешка зерна, и одежду дадим. Не надо брезговать ничем. Собирать надо все – от валенок подшитых, старых тулупов и до белья. У всех есть и все дадут. Мы привезём не зерно, а муку и пшено. Проехать надо в Столыпинские хутора: Новый, Ясенов, Ежов, Андриянов, Белогорский, Любишинский. Там зерна пятилетний урожай. Там по возу дадут со двора. Только вам повернуться надо быстрее, не дожидаться голодной смерти. Гнать её надо дубиной. Кто запретил торговать зерном на базаре у нас в государстве? Наши хуторки завалили бы зерном нашу станицу, Кумылгу и Михайловку. У нас хлеб лежит мёртвым капиталом, а то и гниёт, а рядом люди умирают от голода. Этот руководитель или круглый дурак, или злодей, – заключил хозяин, Фома Кузьмич.

– Есть у нас ещё одна беда, – сказал Павел.

– Какая?

– Супруга Михаила Ивановича, Катерина Ивановна, ангельская душа, а болеет.

– Она у него из Поповых? А Поповы, как и Долговы, люди верующие, богобоязненные, уважительные. А что с ней? – спросил хозяин.

– У неё экзема на руках и ногах. И что только она не делает, ничего не помогает.

– Экзема – болезнь не смертельная, но докучная и полностью выводит человека из строя жизни, – раздался с печи бодрый женский голос.

– Кто это? – спросил Павел.

– Это я, хозяйка этого дома, Любовь Васильевна. Экзему я испытала на втором году замужества. Год болела. К Протопоповым врачам в Зотовскую ездили, они нам рассказали, что её сто видов и у каждого вида своё лекарство. Надо попасть на своё лекарство. Протопоповы нам дали шесть видов лекарств. Ни одно не помогло. Летом забрел к нам на хутор цыганский табор, и к нам зашли цыганки. Я сижу с замотанными руками и ногами. Одна цыганка пристала да пристала: «Покажи руки». Свекровь моя говорит: «Покажи, хуже не будет». Я показала. Цыганка говорит: «Она». И побежала во двор. Несёт большую охапку камышовых цветов, жжёт сама их на загнетке¹⁰, золу смешала со свежими сливками, от камушка, который достала она из своих юбок, отстругнула немножко, всыпала в золу и ещё раз перемешала. Этим тестом она мне залепила все мои болячки и сказала: «Не снимай повязки, я скоро приду».

Только она ушла, как ноги и руки мои стало колоть словно иголками. Терпеть нету мочи. Приходит цыганка. Я говорю: «Сними повязки, пропадаю». Она запела и заплясала по-своему, по-цыгански, а потом и говорит: «Мы нашли лекарство от твоей болезни». От своего камня отколола мне камешек. Я его отдам Екатерине Ивановне. Тебе, детина, надо набрать цветов камыша, Федя, внучек, пойдёшь с дядей. У Курдюмовых на гумне навес упал. Он камышом крыт, а навес старше меня. Нужен старый камыш. Климановна, – окликнула старуха-свекровь сноху, – дай какую-либо сумку.

– Спасибо, бабушка, не надо. У нас мешки есть, – сказал Павел.

– Ну, как знаете, только набери побольше, чтобы там дома не ходить в займище.

⁹ Чувал – большой мешок. (Прим. ред.)

¹⁰ Загнетка – шесток печи. (Прим. ред.)

* * *

С мельницы вернулись благополучно. Павел сразу бросился к сестре Марии, в стряпку:
– Маша, на вот цветки камыша. Нажги две пригоршни золы, замеси золу на свежих сливках, как на пышки, и жди меня.

Разгрузили два воза, сели отдохнуть, а Павел – в стряпку.

– Маша, замесила?

– Вот смотри, так? – Маша показала чашку с месивом.

– Так, – одобрил Павел.

Он достал из кармана тряпочку, развернул, взял грязно-жёлтый камешек, отстругал от него немного, размял в муку и посыпал на чёрное тесто.

– Маша, перемешай ещё раз, а я схожу за Катериной Ивановной.

Павел рассказал Марии, как и что надо делать с лекарством, а сам поспешил разгружать возы. Разгрузили и – курить, а Павел – в стряпку.

– Забери своё лекарство, Павел Фомич, от него не лучше, а хуже, – встретила его Катя.

– Что делается, Екатерина Ивановна? – спросил Павел.

– Руки и ноги колет сильнее...

Павел от радости пошёл впрыскаду, прибасая:¹¹ «Казак – казачок, фуражечка на бочок». Мария испугалась:

– Павел, ты чего, пьяный или заболел?

Павел перестал плясать:

– Мы нашли лекарство для Екатерины Ивановны. Хозяйка говорила, если будут колоть тысячи иголок, значит это лекарство от этого вида экземы, с чем я Вас, Екатерина Ивановна, и поздравляю.

После разгрузки и обеда, Иваны, то есть Семёнович и Павлович, стали развозить на малых лошадах муку, пшено и масло. Себе и девочкам Павла. Девочкам Павла Михаил велел взять по куску сахара, да куски должны быть одинаковые, ведь это дети.

* * *

Павел повёз Дашу в станицу Урюпинскую, проведать родных. Даша ехала не с пустыми руками. Михаил положил в сани два мешка муки, мешок пшена, ведёрный кувшин масла, соли, бак керосина и ведро сахара.

Всем родным Даши Катя подобрала одежду, но главное, сапоги-дутьши, штаны суконные с лампасами, две гимнастёрки суконные и форменный казачий полушубок – отцу. Даша одета была во всё праздничное и выглядела красавицей. Она привезла с собой мерную ленту и теперь снимала мерки с братиков, Вани и Феди. Павел передал приглашение Михаила посетить на Рождество Божий храм. Если согласитесь, то будет за вами послана подвода. И ещё. Надо приготовить тёплый хлеб, так как Даша приведет к отцу свою заработанную тёлку или корову и привезет сено. Когда подвода с Павлом вышла со двора Ивана Ананиевича, он отозвал Дашу в сторону:

– Дочь. Откуда такая щедрость? Столько привезли да ещё корову обещает. Вы живёте?

У Даши слёзы брызнули из глаз:

– Папань, чего ты говоришь? Грех тебе. Это святые люди. Они поминают умерших снох и убиенных братьев. Моли Бога за Ивана Никитовича. Это он меня устроил. Если бы не он,

¹¹ Прибасить – подпевать (Прим. ред.)

не видать бы нам ничего этого. Попроси у Бога прощения за клевету на святых людей. Они ко всем так относятся. Скажи при исповеди батюшке. Приходи на Рождество в храм, там сам всё поймёшь.

Вон Павел Фомич. Пришёл из госпиталя, а тут дом, подворье и вся живность, какая была, сгорели, жена Акулина тут же, на пепелище, упала и померла. Осталось три девочки. Он пришёл в латаных штанах и порванных сапогах. Они его к себе взяли. Одели, обули, дом с обстановкой и постелью дали, женись, живи, пока свой отстроишь.

– Доченька, прости меня, глупого.

– Бог простит, папаня. До свидания.

Даша пошла со двора. Перецеловав всех родственников, села в сани.

* * *

Муторно было на душе у Дашы. Жениха ей не дожидаться. Идти за другого не хочется. А жить одной, так всё время под подозрением будешь. Даже отец родной усомнился.

Даша понравилась Павлу с первого взгляда и он хотел с ней сегодня переговорить. Девушка же тоскливо вспоминала, что как раз в этом месте они с Женей любили гулять. По лугу росло много мальвы и диких гладиолусов под Макарчевой рощей, а в старице лилии и кувшинки. Красота. Но Женя уплыл на пароходе в чужие страны, а она осталась здесь.

– Даша, ты такая красивая, почему замуж не выходишь? – спросил Павел.

Даша перехватила вожжи и потянула. Кони стали. Даша соскочила с саней и заговорила:

– А скажи мне, разлюбезный Павел Фомич, за кого мне замуж выходить?

– Само собой, за казака.

– А потрудись или назвать, или пальцем показать мне этого казака.

– Вот он, Сиволобов Павел Фомич.

– Ты казак? Где твой лампас? Нету. Ты его провоевал. Где папаха с красным верхом? Казак – это защитник отечества, а ты и такие, как ты, бросили Родину под ноги немцам и трусливо разбежались по домам. А потом в красные подались. Кто вы сейчас? Вы искалеченные, обгаженные теми, за кого вы воевали. Они выгнали вас из госпиталей полураздетыми, полуобутыми, без копейки денег и без куска хлеба.

– Дали трёхдневный паёк, – возразил Павел.

– С чем ты пришёл? С пустым вещевым мешком. Что принёс детям? Вшей. Вы трусы. Вы ничего не требуете. Вашу станицу называли волостью¹² и вы молчите. Не так давно вы сами на Дону выбирали себе власть, от хуторного атамана до атамана общевойскового. Теперь вам власть сажают. А вы молчите. Вам будут мочиться на голову, а вы будете молчать. Так из вас вытравили казачий дух, казачью смелость, честь. Вашу землю казачью сделали общенародной собственностью, вы и тут ни слова.

Ваши предки завоевали волю, свободу, землю. Всё это вы потеряли. А кто будет от вас родиться? Такая же сволочь, как и вы. Украинцы говорят: «совыня никогда не родит сокола». Так как же можно выходить за вас замуж? Чтобы рожать сволочь?

Даша выхватила кнут у Павла, прыгнула в сани, огрела кнутом коня, который от испуга встал на дыбки.

Девушка передёрнула вожжи и лошадь пошла полной рысью. При въезде в станицу остановила, перевела на шаг. Подъехав к воротам, Павел и Даша одновременно выпрыгнули из саней, чтобы открыть ворота. Павел тихо заговорил:

¹² В результате политики рассказывания. (Прим. ред.)

– Дашенька, прости меня ради Христа. Я сказал в шутку, а получилось вон как. Мы живём в одной семье, а в семье должен быть лад. Я боюсь, что если мы будем ссориться, то Михаил Иванович обоих нас выгонит.

– А если нас выгонят, мы выдём из их ворот в костюмах Адама и Евы. У меня же ничего своего нет.

После размолвки с Дашей Павел всячески старался ей угодить. Несёт Даша воды от колодца в стряпку, Павел тут как тут, выхватывает вёдра и несёт. А однажды вышла она из стряпки с двумя вёдрами корма для свиней. Павел ухватил вёдра и – рысью к свинарнику. Даша до свинарника и полпути не прошла, а Павел уже возвращается. Даша, не глядя на Павла, взялась за вёдра:

– Ты, Павел Фомич, никак мылиться начинаешь? Не надо, не мылся, бриться всё равно не придётся.

– Как сказать. Может и выпадет такой случай. Знаешь чего петушок думает, когда за курочкой гонится? – спросил Павел.

– Не знаю. На курином языке разговаривать не приучена. Отдай вёдра, кочет! – Девушка рванула вёдра, да так сильно, что Павел не удержал их. С тех пор они не разговаривали. Только тогда, когда Даша и Павел повезли Ивану Ананьевичу перед самым Рождеством скромные продукты и мальчикам обновы, пошитые Дашей, Павел дорогой сказал:

– Даша, я люблю тебя. Не отдам никому, кроме Евгения. Коли он придёт, слова не скажу. Не пойдёшь, сам за руку возьму и отведу к нему, любого другого убью. И давай больше об этом не говорить. Готовь себя морально за меня выйти.

Глава одиннадцатая

Когда Павел и Иваны ездили на мельницу, а ездили они больше недели, Михаил Иванович провернул дерзкое, но чрезвычайно нужное и полезное дело.

Михаил Иванович составил план ночью, а утром докладывал его в волостном правлении. Он говорил:

– Раздачей муки по ведру на едока мы не ликвидировали опасность голода. Округ, как говорит Иван Павлович, отказался нам помочь. Спасаться нам надо самим.

– Но как? – спросил Степура.

– Надо поехать в Придубровские хутора, изловить дезертиров, провести собрание, объявить амнистию. Оружие у них не забирать для полного доверия. Сказать дезертирам: «Когда вы поймёте, что оружие вам не нужно, то сами принесёте в сельский совет и сдадите».

В пятницу Михаил Иванович, Иван Павлович, Степура и шестнадцать казаков-призывников, пешие, так как поехать было не на чем, дошли до Михеевского хутора и вошли во двор Родиона Земцова. В субботу выследили дезертиров идущих домой, задержали, уговорили собрать собрание и решили дальнейшую судьбу дезертиров вместе с жителями станицы.

На собрании дезертиры постановили выйти из Дубравы и жить дома, но оружие оставить при себе. Михаил сказал:

– Братья казаки! Раз вы теперь равноправные граждане, я обращаюсь к вам с великой просьбой. Помогите умирающим от голода жителям станицы.

Присутствующие на собрании местные женщины подтвердили, что в станице голод. Они были в станице, ночевали и видели голодных и раздетых людей. Решили: с завтрашнего дня начать собирать пшеницу и рожь, кто сколько даст, можно и просо.

– По три чучала со двора, – сказал Костя Земцов, избранный председателем сельского совета на этом собрании.

– Константин Яковлевич, никаких налогов. Ради Иисуса Христа и сколько кто может, – пояснил Михаил.

– Понял, Михаил Иванович, – ответил Костя.

Красенький известил Михаила Ивановича о том, что сегодня придёт зерно с Придубровских хуторов, и просил принять участие в развозе муки. Решено было раздавать по четыре ведра на едока.

На развоз муки поехали Михаил Иванович и Иван Семёнович на лошадях, и Павел на паре волов.

Когда Михаил Иванович подъехал к ветрякам, то одновременно из степи подошли и стали тёплые сани, запряжённые парой лошадей. Из саней поднялся мужчина в казачьем зимнем обмундировании. Когда он скинул с себя тулуп, Михаил узнал в нём Костю Земцова.

– Здорово, Костюня, твои идут подводы?

– Здорово, Михаил Иванович. Мои. Идут шестнадцать конных подвод по восемь мешков. Двенадцать бычьих подвод по восемь мешков. Всего двести девяносто шесть мешков по пять пудов в мешке. Одна тысяча четыреста восемьдесят пудов всего. Завтра придут обозы с Астахова и Никулина, – пояснил Костя.

– Спасибо, Костюня, советуйся с ветрячником, куда сколько сгружать, а я поеду насчёт амбаров. Друзья мои, грузите без меня. Я скоро вернусь, – сказал Михаил.

Мартына Лукича Михаил нашел во дворе. Поздоровавшись с ним за руку, Михаил попросил предоставить амбары под зерно для голодающих, которое собрали в Придубровских хуторах.

– Кто это придумал? – поинтересовался Мартын Лукич. Такая мысль могла возникнуть в умной голове. В голове Горшкова такая мысль не возникла бы по природе.

– Мартын Лукич, если Вы согласны послужить людям, то пойдите в совет и заявите об этом Ивану Павловичу.

Единственное, что Мартын Лукич спас от «саранчи» – три куля одежды, он спрятал их под Хопёрским обрывом, где непролазь крапивы и бирючины.¹³ Досчитав кули, Мартын Лукич оделся в штаны с лампасами, лаковые сапоги, офицерскую шинель, папаху с красным верхом и золотым позументом. Шёл Мартын Лукич не спеша, почти строевым шагом так, как ходил на службу в Станичное Правление, когда он восемь лет подряд служил помощником станичного атамана по военным делам.

Встречных людей он приветствовал чуть заметным наклоном головы. А встречные останавливались, смотрели Мартыну Лукичу вслед с удивлением и радостью и улыбались. За последний год люди станицы привыкли видеть себя и других плохо одетыми, кособокими, безрукими, а то и на костылях, удручённых голодом и холодом.

Мартын Лукич, поручавшись с Иваном Никитовичем в приёмной, спросил:

– Иван Павлович у себя?

Красенький, слышавший разговор через неплотно закрытую дверь, позвал:

– Заходите, Мартын Лукич.

– Здравствуйте, Иван Павлович! А дальше не знаю, что делать. Можно ли Вам подавать руку? – спросил Мартын Лукич.

– Можно, Мартын Лукич, – ответил Красенький, – если желаете.

– Желаю, – сказал Мартын Лукич.

– Тогда здравствуйте, Мартын Лукич, – руку Красенький подал первый, и тот принял его рукопожатие.

– Иван Павлович, Вы делаете святое дело, спасаете станицу от голода. Вы имеете нужду в амбарах, а у меня три прекрасных амбара имеются. Берите, пользуйтесь.

– Спасибо, Мартын Лукич. А кто Вам сказал насчёт амбаров? – спросил Красенький.

– Хороший человек, Долгов Михаил Иванович. Долговы и Поповы всегда были хорошими людьми, – заключил Мартын Лукич, – сноха Наталья всё сохранила, а Михаил не загрёб всё под себя, а раздал многое людям. Муки раздал по дворам более тысячи вёдер. Кто ещё такое сможет сделать в станице? Да никто, а Долгов сделал. Вас не было здесь. У нас тут было вавилонское столпотворение. Красная часть нас грабила. Было у меня две пары быков, пара лошадей, четыре коровы, овцы, гуси, куры. После того, как «саранча» ушла, кот Мурзик объявился. Где-то спасался от «саранчи». Вот и всё, что осталось от моего хозяйства.

Объясняю этой «саранче», что сыны мои погибли у Будённого, объясняю ихним комиссарам, так они и слышать не хотят. Три коровы съели. Осталась одна. Пришла из табуна. Вымя ей распёрло, доить надо, а её застрелили и стали рубить на куски, не снимая шкуры. Старуха упала на ступеньках крыльца и умерла. Разорвалось сердце. Говорю им: «Вряд ли Чингисхан или Мамай, или Гирей так делали».

Они мне говорят: «Молчи, атаманский прихвостень, а то и тебя на мушку возьмём. Не знаем мы не Мамаев, ни Гиреев, а вот Троцкий приказывает против казаков направить металл и огонь». А я, Иван Павлович, работал и не за чей хвост не держался. Я делал своё дело так, как его надо делать. Я был обязан подготовить казаков-новобранцев в полк так, чтобы они знали команды пешего и конного строя и умели их выполнять, умели правильно седлать коня, садиться в седло, сидеть в седле на месте, при движении рысью, налётом, скакать на обгонки, рубить шашкой правильно. Лучше донцов никто не рубит. Никто у меня не отвертелся от

¹³ Бирючина – крушина. (Прим. ред.)

полка, но и больного я в полк не пускал. Ни одного сироту не послал в пластуны. Всем покупал коней, справу, и они служили как настоящие казаки.

Последний год я служил. На смотре казачат мне в 1916 году генерал Груднев дал благодарность в приказе по округу, седло с нагрудником, сорок рублей деньгами и почётную грамоту.

Начала собираться в дорогу «саранча» и стали жечь дома. Выжгла всю площадь. На нижней улице сожгли дом и один магазин Дугина. Один парень шестнадцатилетний из рогатки с соседнего дома пустил чугунку и попал прямо в глаз одному поджигателю. Тот заорал и побежал, а за ним и вся поджигательная команда убежала. Так была спасена нижняя улица.

А те, что жили в моём доме, начали таскать солому под крыльцо. Я лёг на солому и говорю: «Жгите вместе со мной». На наш шум зашёл во двор ихний главный комиссар и запретил поджигать. Еврей, а спас мне дом.

Ницененков двухэтажный дом два раза обливали керосином. Керосин выгорит, а дом не загорается.

Жил я. Трое детей бегало по дому, а теперь никого. Старуха-песенница не выдержала. Дети все трое в неё пошли, все песняры были. А старуха в девках на клиросе пела. Бывало, как запоёт с детьми, так дух радуется. А сейчас никого. Дочка Машенька такая была умница. Замужем в Трёх Логах. Умерла от тифа. Остались два мальчика пяти и трёх лет, отец погиб у Будённого. Круглые сироты. Кровинушка родная, надо помочь, а чем? Ох ты, жизнь! Извиняй, Иван Павлович, много я тебе наговорил. Амбары забирайте. Прощайте.

– Спасибо, Мартын Лукич, за амбары. Сегодня будем занимать.

Из кабинета уходил не тот Мартын Лукич, высокий стройный, красивый казачина, а сгорбленный старик среднего роста, на полусогнутых ногах с шаркающей походкой.

– Что делает горе с человеком, – подумал Красненький, глядя Мартыну Лукичу вслед. И ещё раз подумал о бессмысленности пролитой им крови.

Вернувшись к ветрякам от Мартына Лукича, Михаил повёз по дворам муку для раздачи. Подъезжая ко двору Христины Клименко, он заметил, как колыхнулась занавеска. «Сейчас выйдет», – подумал Михаил. Получив почти полный мешок муки, Христина попросила:

– Михаил Иванович, помогите занести.

Михаил спрыгнул с арбы, взял мешок за углы:

– Берите, Христина Петровна за гузырь.¹⁴

Когда занесли муку и Михаил пошёл к выходу, Христина шагнула наперёд Михаилу, взяла его за отвороты полушубка, толкая посадила на стул:

– Я хочу тебя отблагодарить. Давай выпьем по стаканчику.

Когда выпили и закусили солёным огурцом, Христина села к Михаилу на колени и заговорила:

– Спасибо тебе, Михаил Иванович. Ты делаешь святое дело, спасаешь станицу от голода и холода. И делаешь это просто: у кого есть – берёшь, у кого нету – даёшь. Спасибо тебе и долгих лет жизни. Но больно ты правильный человек. Как струна у балалайки – ни одного изгиба, – Христина говорила, а лицо её то краснело, то бледнело, – ты помнишь, как ты клялся мне в любви? Я не пошла за тебя и вижу, что ошиблась. А сейчас я вся твоя.

Христина впилась своими яркими и сочными, давным-давно никем не целованными губами в губы Михаила Ивановича. Он взял голову Христины в ладони и мягко отстранился, не глядя ей в глаза:

– Христина, подожди. Лошади пошли. Я сейчас привяжу, – и кинулся к двери. Христина подошла к окну и из-за занавески увидела, как только что спокойно стоящие лошади пошли, управляемые Михаилом.

¹⁴ Гузырь – собранная часть мешка от завязки и выше (Прим. ред.)

– Обманул, проклятый. Как теперь встречаться? Стыдоба какая...

Христина рано узнала, что она красива. Родители её, сестра Агриппина и братишка были обыкновенными, а она, Христина хотя и была похожа на мать и на отца, но в то же время была красавицей. Она любила смотреть на себя в зеркало и любоваться своей красотой. Впрочем, она никогда ей не кичилась. Учась в школе, она все три года просидела за задней партой, но окончила школу с «Почётной грамотой». В подарок получила книги «Анну Каренину» и «Воскресение» Л. Н. Толстого. По улице не пройдёт, чтобы не поздороваться. Здраваясь, обязательно скажет: «Здравствуйте, Мария Ивановна или Пётр Иванович». Она знала всех или почти всех жителей станицы по имени и отчеству. С пятнадцати лет, когда старшие девушки приняли её в свой круг, Христина стала часто ходить в церковь и вела себя там подобающим образом: ставила свечи, знала своё постоянное место в храме, входила и выходила с крестным знаменем.

Дома была послушной и работающей. Зимой в длинные вечера, на посиделках, Христина читала наизусть стихи или подаренные в школе книги. Посиделочникам Христина за одну зиму прочитала и «Анну Каренину» и «Воскресение». В ту зиму чуть ли не вся станица приходила к ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.